

ДЖЕК
КЕРУАК

18+

НА
ДОРОГЕ

Джек Керуак

На дороге

Серия «От битника до Паланика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143986
Д. Керуак. На дороге: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-132985-3

Аннотация

Из Нью-Йорка – в Сан-Франциско. Из Сан-Франциско – в Лос-Анджелес. Из Лос-Анджелеса – в Нью-Орлеан. Из Нью-Орлеана?..

Забыты жены и подружки, домашний уют и попытки обрести успех и место в официальной литературной номенклатуре. Тысячами дорог ложится Америка под колеса старенького автомобиля. Все новыми и новыми лицами, судьбами и историями предстает она перед двумя закадычными друзьями – молодым писателем и пламенным «бунтарем без причины».

Таков роман «На дороге», впервые опубликованный в 1957 году. Он был вдребезги разбит критикой, но, несмотря на это, стал сначала национальным, а затем и международным бестселлером. Он справедливо входит в число самых культовых книг в истории мировой литературы, включен в списки лучших произведений XX века по версиям «Time», «Le Monde», «BBC» и «Observer» и до сих пор продается огромными тиражами. Но что важнее всего –

эта книга уже седьмой десяток лет вдохновляет все новые и новые поколения юношей и девушек, отказывающихся жить по законам скучной и ограниченной буржуазной морали.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	20
3	24
4	40
5	55
6	61
7	66
8	75
9	82
10	91
11	96
12	130
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Джек Керуак

На дороге

Jack Kerouac
On The Road

- © Jack Kerouac, 1955, 1957
- © Stella Kerouac, 1983
- © Stella Kerouac and Jan Kerouac, 1985
- © Перевод. М. Немцов, 1992, 2020
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Часть первая

1

Я впервые встретил Дина вскоре после того, как мы с женой расстались ¹. Тогда я едва выкарабкался из серьезной болезни, о которой сейчас говорить неохота, достаточно лишь сказать, что этот наш убого утомительный раскол сыграл в ней не последнюю роль, и я чувствовал, что все сдохло. С появлением Дина Мориарти началась та часть моей жизни, которую можно назвать жизнью на дороге. Я и прежде часто мечтал отправиться на Запад посмотреть страну, но планы всегда оставались смутными, и с места я не трогался. Дин же парень для дороги идеальный, поскольку даже родился на ней: в 1926 году его родители ехали на своей колыхаге в Лос-Анджелес через Солт-Лейк-Сити. Первые рассказы о нем я слышал от Чада Кинга; Чад и показал мне несколько его писем из исправительной школы в Нью-Мексико. Меня эти письма неимоверно заинтересовали, поскольку в них Дин так наивно и так мило просил Чада научить его всему, что тот сам знал про Ницше и все остальные дивные интел-

¹ Имеется в виду Идит Фрэнсез Паркер (Иди) Керуак (1922–1993), писательница, с 1944 г. первая жена Керуака (они познакомились в 1942-м через Анри Крю). Их брак распался и был расторгнут в сентябре 1946 г.

лектуальные шутики, какие Чад знал. Как-то раз мы с Карло говорили о тех письмах в том смысле, что познакомимся ли мы когда-нибудь с этим странным Дином Мориарти. Все это было еще давно, когда Дин был не таким, как сегодня, а насквозь таинственным пацаном только что из тюрьмы. Потом стало известно, что Дина выпустили из той исправилки, и он впервые в жизни едет в Нью-Йорк; еще ходили разговоры, мол, он только что женился на девчонке по имени Мэрилу.

Однажды я шлялся по студгородку, и Чад с Тимом Греем сказали мне, что Дин остановился на какой-то квартире без удобств в Восточном Гарлеме, в Испанском. Приехал накануне ночью, в Нью-Йорке впервые, с ним – его красивенькая шустрая подружка Мэрилу; они слезли с междугородной «Борзой»² на 50-й улице, свернули за угол, чтоб найти чего-нибудь поесть, и сразу зашли к «Гектору»³, и с тех самых пор «Кафетерий Гектора» навсегда остался для Дина главным символом Нью-Йорка. Они тогда истратили все деньги на красивые здоровенные кексы с глазурью и пирожные со взбитыми сливками.

Все это время Дин излагал Мэрилу примерно следующее:
– Ну, милая, вот мы и в Нью-Йорке, и хоть я не совсем еще рассказал тебе, о чем думал, когда мы ехали через Миссури,

² «Greyhound Lines» (с 1914) – американская компания междугороднего автобусного сообщения.

³ «Nector's» – в районе Таймс-сквер в середине XX в. существовало четыре заведения с таким названием, и все были вполне популярны. Последнее закрылось в январе 1970 г.

а особенно – в том месте, где мы проезжали Бунвильскую колонию ⁴, которая напомнила мне собственные тюремные дела, теперь совершенно необходимо отбросить все, что осталось от наших личных привязанностей, и немедленно прикинуть конкретные планы трудовой жизни... – и так далее, как он обычно разговаривал в те первые дни.

Мы с парнями поехали к нему в эту нору без удобств, и Дин вышел открывать нам в одних трусах. Мэрилу как раз прыгивала с кушетки: Дин отправил обитателя квартиры на кухню, возможно – варить кофе, а сам решал свои любовные проблемы, ибо секс для него оставался единственной святой и важной вещью в жизни, как бы ни приходилось потеть и материться, чтоб вообще прожить и так далее. Все это было на нем написано: в том, как он стоял, покачивая головой, вечно глядя куда-то вниз, кивал, будто молодой боксер наставленьям, чтоб ты поверил, будто он впитывает каждое слово, вставляя тысячу всяких «да» и «точно». С первого взгляда он мне напомнил молодого Джина Отри ⁵ – ладный, узкобедрый, голубоглазый, с настоящим оклахомским выговором – эдакий герой заснеженного Запада с бачками. Он и в самом деле работал на ранчо у Эда Волла в Колорадо до того, как женился на Мэрилу и приехал на Восток. Мэ-

⁴ Бунвильская исправительная колония (с 1889) – детская мужская колония в штате Миссури, была знаменита своими скверными условиями, упразднена в 1983 г.

⁵ Орвон Гровер (Джин) Отри (1907–1998) по кличке «Поющий ковбой» – американский певец, автор песен, актер, музыкант и артист родео.

рилу была миленькой блондинкой с громадными завитками волос – целое море золотых локонов; она сидела на краешке кушетки, руки свисали с колен, а дымчато-голубые деревенские глаза смотрели широко и неподвижно, потому что вот она торчит в норе серого злого Нью-Йорка, о котором столько слышала еще на Западе, и ждет, словно длиннотелая чахлая сюрреалистическая женщина Модильяни ⁶ в серьезной комнате. Но помимо того, что Мэрилу была милашкой, глупа она была до жути и способна на ужасные поступки. Той ночью все пили пиво, боролись на локотках и болтали до самой зари, а наутро, когда мы уже оцепенело сидели и докуривали бычки из пепельниц при сером свете унылого дня, Дин нервно поднялся, походил взад-вперед, подумал и решил, что самое нужное сейчас – заставить Мэрилу приготовить завтрак и подмести пол.

– Другими словами, давай шевелиться, милая, слышь, что я говорю, иначе получится сплошной разброд, а истинного знания или кристаллизации своих планов мы не добьемся. – Тут я ушел.

На следующей неделе он признался Чаду Кингу, что ему абсолютно необходимо научиться у того писать; Чад ему ответил, что писатель тут я и за советом надо ко мне. Тем временем Дин устроился на автостоянку, поссорился с Мэрилу на квартире в Хобокене – Бог знает, чего их туда занесло, –

⁶ Амедео Клементе Модильяни (1884–1920) – еврейско-итальянский художник-экспрессионист и скульптор, живший и работавший во Франции.

и она так рассвирепела и замыслила глубоко внутри такую месть, что позвонила в полицию с каким-то вздорным истеричным идиотским поклепом, и Дину пришлось из Хобокена свалить. Жить ему было негде. Он поехал напрямик в Патерсон, Нью-Джерси, где я жил со своей теткой, и как-то вечером сижу я занимаюсь, а в дверь стучат, и вот уже Дин кланяется и подобострастно расшаркивается в полумраке прихожей, говоря при этом:

– Прив-вет, ты меня помнишь – Дин Мориарти? Приехал попросить тебя мне показать, как надо писать.

– А где Мэрилу? – спросил я, и Дин ответил, что она, видимо, выхарила у кого-нибудь несколько долларов и вернулась в Денвер – «шлюха!». И вот мы с ним пошли выпить пива, потому что разговаривать так, как нам хотелось, при тетке, которая сидела в гостиной и читала свою газету, мы не могли. Она бросила на Дина один-единственный взгляд и решила, что он шалый.

В баре я ему сказал:

– Ёксель, чувак, я очень хорошо понимаю, что ты ко мне приехал не только чтоб стать писателем, да и в итоге сам я об этом знаю только одно, что на этом надо залипать, как на бенни.

А он ответил:

– Да, конечно, я знаю точно, что ты имеешь в виду, и все эти проблемы на самом деле мне тоже приходили в голову, но я хочу реализации таких факторов, что в случае,

если придется полагаться на шопенгауэровскую дихотомию для любого внутренне постигаемого... – и так далее в том же духе, такого я ни чуточки не понимал, да и он сам тоже. В те дни он и впрямь не соображал, о чем говорит; иными словами то был просто едва-едва откинувшийся юный зэк, заикленный на дивных возможностях стать настоящим интеллектуалом, и ему нравилось разговаривать тем тоном и употреблять те слова, но как-то совершенно замороченно, какие слышал от «настоящих интеллектуалов», – хотя учтите, он не был так уж наивен во всем остальном, и ему понадобилось лишь несколько месяцев провести с Карло Марксом, чтобы полностью *освоиться* во всяких специальных словечках и жаргоне. Однако мы прекрасно поняли друг друга на иных уровнях безумия, и я согласился, чтоб он остался у меня дома, пока не найдет работу, мало того – мы уговорились как-нибудь отправиться на Запад. Было это зимой 1947-го.

Однажды вечером, когда Дин ужинал у меня – он уже работал на стоянке в Нью-Йорке, – а я бойко тархтел на своей машинке, он перегнулся мне через плечо и сказал:

– Давай, дядя, девчонки ждать не будут, закругляйся.

Я ответил:

– погоди минуточку, вот только главу закончу, – а то была одна из лучших глав во всей книге. Потом я оделся, и мы понеслись в Нью-Йорк увидеться с какими-то девчонками. Пока автобус шел в жуткой фосфоресцирующей пустоте тоннеля Линкольна, мы держались друг за друга, потрясая пальца-

ми, орали и разгоряченно болтали, и я начал подсаживаться на Дина. Парня попросту до чрезвычайности будоражила жизнь, но если он и был пройдохой, так лишь оттого, что уж очень хотел жить и общаться с людьми, которые иначе бы не обращали на него никакого внимания. Он и меня разводил, и я это знал (с жильем, едой и тем, «как писать» и проч.), и он знал, что я это знаю (оно и было основой наших отношений), но мне было плевать, и мы прекрасно ладили – не доставая друг друга, но и не церемонясь; ходили друг за дружкой на цыпочках, будто только что трогательно подружились. Я стал учиться у него так же, как он, видимо, учился у меня. О моей работе он говорил:

– Валяй дальше, все, что ты делаешь, – клево. – Заглядывал мне через плечо, когда я писал свои рассказы, и вопил: – Да! Так и надо! В-во, дядя! – Или говорил: – Ф-фуф! – и промокал лицо носовым платком. – Слушай, в-во – ведь еще столько можно сделать, столько написать! Как хотя б *начать* все это записывать без наносных стеснений и всяких зависов на литературных запретах и грамматических страхах...

– Все верно, чувак, дело говоришь. – И некое подобие священной молнии, видел я, сверкает из его возбужденья и его видений, какие описывал он таким потоком, что люди в автобусах оборачивались на этого «психа перевозбужденного». На Западе он провел треть своей жизни в бильярдной, треть – в каталажке, а треть – в публичной библиотеке. Видели, как он рьяно несется по зимним улицам с непокрытой голо-

вой, таща книжки в бильярдную, или карабкается по деревьям, чтоб попасть на чердаки кого-нибудь из корешей, где обычно сидел целыми днями, читая или прячась от закона.

Мы поехали в Нью-Йорк – я забыл, в чем там дело, какие-то две цветные девчонки, – никаких девчонок там не было; они должны были с ним встретиться в закуской и не пришли. Поехали на его стоянку, где ему что-то надо было сделать – переодеться в будке на задворках, прихорошиться перед треснутым зеркалом, что-то вроде, – а уж потом двинулись дальше. Как раз в тот вечер Дин повстречался с Карло Марксом. Грандиозная штука произошла, когда они встретились. Два таких острых ума приглянулись друг другу тут же. Скрестились два пронизательных взгляда – святой пройдоха с сияющим разумом и печальный поэтический пройдоха с разумом темным, то есть Карло Маркс. С той самой минуты Дина я видел только изредка и мне было как-то обидно. Их энергии сшибались лбами, а я в сравнении был просто лохом и не мог держаться с ними наравне. Тогда-то и началась вся эта безумная кутерьма; потом она затянула всех моих друзей и все, что у меня оставалось от семьи, в большую тучу пыли, застывшую Американскую Ночь. Карло рассказал ему про Старого Быка Ли, про Элмера Гасселя и Джейн: как Ли в Техасе выращивал траву, как Гассель сидел на острове Райкера ⁷, как Джейн бродила по Таймс-сквер вся в бензед-

⁷ Имеется в виду основной комплекс Нью-Йоркской городской тюрьмы, с 1932 г. расположенный на острове в Восточной реке между Куинзом и Бронксом.

риновых глюках, таская на руках свою малышку, и принесло ее в Белльвью⁸. А Дин рассказал Карло про разных неизвестных людей с Запада, типа Томми Снарка, косолапой гастролирующей акулы бильярда, картежника и святого чудилы. Рассказал и про Роя Джонсона, про Большого Эда Дункеля – корешей своего детства, уличных корешей, про своих бессчетных девчонок и половые попойки, про порнографические картинки, про своих героев, героинь, приключения. Они вместе носились по улицам, врубаясь во все по-раннему, что потом стало намного грустней, пронизательно и пусто. Но тогда они выплясывали по улицам, как дурошлепы, а я тащился за ними, как всю жизнь волочился за теми, кто мне интересен, потому что единственные люди для меня – это безумцы, те, кто безумен жить, безумен говорить, безумен спасаться, алчен до всего одновременно, кто никогда не зевнет, никогда не скажет банальность, а лишь горят они, горят, горят, как сказочные желтые римские свечи, взрываясь среди звезд пауками, а посередке видно голубую вспышку, и все взывают: «А-ауу!» Как звали таких молодых людей в гётевской Германии? Всей душой желая научиться писать как Карло, Дин первым же делом напал на него всею своей любвеобильной душой, какая бывает лишь у пройдох:

– Ну, Карло же, дай *мне* сказать – вот что я говорю... –

⁸ «Bellevue Hospital» (с 1736) – старейшая общественная больница в США; в 1879 г. на ее территории был воздвигнут особый «павильон для безумцев» (что было революционным решением в психиатрии того времени), поэтому с тех пор «Белльвью» используется как метоним «дурдома».

Я не видел их недели две, и за это время они зацементировали свои отношения до зверских масштабов вседневного и всенощного трепа.

Потом пришла весна, клевое время путешествий, и каждый в нашей рассеявшейся компании готовился к той или иной поездке. Я был занят своим романом, а когда дошел до срединной отметки, то, съездив с теткой на Юг проведать моего брата Рокко, приготовился впервые отправиться на Запад.

Дин уже уехал. Мы с Карло проводили его со станции «Борзой» на 34-й улице. Наверху у них там было место, где за четвертак можно сфотографироваться. Карло снял очки и стал выглядеть зловеще. Дин снялся в профиль, при этом жеманно оборачиваясь. Я сфотографировался прямо, отчего стал похож на тридцатилетнего итальянца, готового порешить всякого, кто хоть слово скажет против его матери. Эту фотографию Карло и Дин аккуратно разрезали бритвой посередке и спрятали половинки себе в бумажники. На Дине специально для великого возвращения в Денвер был настоящий западный деловой костюм: парень кончил свой первый загул в Нью-Йорке. Я говорю «загул», но Дин лишь впахивал на своих стоянках, как вол. Самый фантастический служитель автостоянок в целом мире, он может задним ходом втиснуть машину в узкую щель и тормознуть у самой стенки с сорока миль в час, выпрыгнуть из кабины, пробежаться между бамперами, вскочить в другую машину, дать кругалю

со скоростью пятьдесят миль в час на крохотном пятакке, быстро сдать назад в тесный тупичок, *бум* – захлопнуть дверцу с такой срочностью, что машина подпрыгнет, когда он из нее вылетает; затем рвануть к будке с кассой, словно звезда гаревых дорожек, выдать квитанцию, нырнуть в только что подъехавший автомобиль, не успеет владелец и выбраться из него, буквально проскочить у того под ногами, завестись с еще не закрытой дверцей и с ревом – к следующему свободному пятакку, разворот, чпок на место, тормоз, вылетел, ходу; работать вот так без передышки по восемь часов в ночь, вечерние часы пик и часы пик после театральных разъездов, в засаленных штанах с какого-то алкаша, в обтрепанной куртке на меху и разбитых хлопающих башмаках. Теперь он к возвращению купил себе новый костюм: синий в тончайшую полоску, жилет и все остальное – одиннадцать долларов на Третьей авеню, с часами и цепочкой, и портативную пишущую машинку, на которой собирался начать писать в каких-нибудь денверских мебелирашках, как только найдет там работу. Мы устроили прощальную трапезу из сосисок с фасолью в «Райкере»⁹ на Седьмой авеню, а потом Дин сел в автобус и с ревом унесся в ночь. Вот и уехал наш крикун. Я пообещал себе отправиться туда же, когда весна зацветет по-настоящему, а земля раскроется.

Вот так вообще-то и началось мое дорожное житье, и то,

⁹ «Riker's» – сеть нью-йоркских ресторанов, основанная Э. Уильямом Райкером и существовавшая в 1930-х – 1970-х гг.

чему суждено было случиться, – такая фантастика, что не рассказать нельзя.

Да, и я хотел ближе узнать Дина не просто потому, что был писателем и нуждался в свежих впечатлениях, и не просто потому, что вся моя жизнь, вертевшаяся вокруг студгородка, достигла какого-то завершения цикла и сошла на нет, но потому, что неким манером, несмотря на несходство наших характеров, он напоминал мне какого-то давно потерянного братишку; при виде его страдающего костистого лица с длинными бачками и вспотевшей напряженной мускулистой шеи я невольно вспоминал свои мальчишеские годы на красивых свалках, в котлованах, заполненных водой, и на речных отмелях Патерсона и Пассаика. Его грязная роба льнула к нему так изящно, будто костюм лучше и у портного не закажешь, а можно лишь заработать его у Прирожденного Портного Врожденной Радости, как этого своими напряжениями и добился Дин. А в его возбужденной манере говорить я вновь слышал голоса старых соратников и братьев под мостом, среди мотоциклов, в соседских дворах, расчерченных бельевыми веревками, и на дремотных крылечках дня, где мальчишки тренькают на гитарах, пока их старшие братья вкалывают на фабриках. Все остальные нынешние мои друзья были «интеллектуалы»: антрополог-нищеец Чад, Карло Маркс с его прибабахнутыми сюрреальными всерьез пристальными разговорами вполголоса, Старый Бык

Ли с этакой критической анти-что-угодно растяжкой в голосе, – или же были они укрادчивыми беззаконниками типа Элмера Гасселя с этой его хиповой усмешечкой или же типа Джейн Ли, когда та раскидывалась на восточном покрывале своей оттоманки, фыркая в «Ньюйоркец»¹⁰. Но разумность Дина была до последней чуточки дисциплинированной, сияющей и завершенной, без этой вот занудной интеллектуальности. А «беззаконность» его была не того сорта, когда злятся или фыркают; она была диким выплеском американской радости, согласной на все; была она западной, западным ветром, одой с Равнин, чем-то новым, давно предсказанным, давно уж подступающим (он угонял машины, только чтобы прокатиться удовольствия ради). А кроме этого, все мои нью-йоркские друзья находились в том кошмарном отрицании, когда общество осуждают и для этого приводят свои выдохшиеся доводы, вычитанные в книжках, политические или психоаналитические, а вот Дин просто носился по обществу, жадный до хлеба и любви; ему было, в общем, всегда плевать на то или сё, «лишь бы заполучить себе вон ту девчоночку с этим махоньким кой-чем у ней между ножек, пацан», и «лишь бы нам перепало пожрать, сынок, слышь? я проголодался, жрать хочу, пошли *сейчас же* пожрем!» – и вот мы уже несемся *жрать*, о чем и глаголил Екклезиаст:

¹⁰ «The New Yorker» (с 1925) – общественно-политический и литературный журнал.

«Се доля ваша под солнцем»¹¹.

Западный родич солнца, Дин. Хотя тетка предупредила, что он меня до добра не доведет, я уже слышал новый зов и видел новые дали – и верил в них, ибо юн был; и чуточка этого недобра, и даже то, что Дин отверг меня потом как своего кореша, а затем и вообще вытирал об меня ноги на голодных мостовых и больничных койках – так какая разница? Я был молодым писателем, и мне хотелось стронуться с места.

Где-то на этом пути, я знал, будут девчонки, видения – все будет; где-то на этом пути вручат мне жемчужину.

¹¹ Ек. 5:17, парафраз.

2

В июле месяце 1947 года, скопив около полусотни долларов из старых ветеранских льгот, я был готов ехать на Западное побережье. Мой друг Реми Бонкёр написал из Сан-Франциско письмо, в котором говорил, что мне надо приехать и уйти с ним в море на кругосветном лайнере. Клялся, что протащит меня в машинное отделение. Я ответил, что мне хватит любого старого сухогруза, если только можно сделать несколько долгих тихоокеанских рейсов и вернуться, заработав столько, чтобы хватило на жизнь у тетки в доме, пока не закончу книгу. Он написал, что у него есть хибара в Милл-Сити и у меня будет бездна времени, чтобы там писать, пока будем заниматься всякой волокитой с устройством на судно. Сам он живет с девчонкой по имени Ли-Энн; та дескать великолепно готовит, и все будет ништяк. Реми был моим старым другом по пригготовительной школе: француз, которого воспитали в Париже, и по-настоящему сумасшедший – я тогда просто еще не знал насколько. И вот, значит, он ждал, что я приеду к нему через десять дней. Тетка была совершенно не против моей поездки на Запад; сказала, что это принесет мне пользу, всю зиму я так усердно работал и почти не выходил на улицу; она даже не возражала, когда я сказал, что часть пути проделаю на попутках. Тетка лишь пожелала мне вернуться домой в целостности и сохранности. И вот,

оставив на письменном столе объемистую половину рукописи и в последний раз свернув уютные домашние простыни, однажды утром я вышел из дому с холщовой сумкой, куда улеглись мои немногие основные пожитки, и взял курс к Тихому океану с полусотней долларов в кармане.

В Патерсоне месяцами я сидел над картами Соединенных Штатов, даже читал какие-то книжки о первопроходцах и смаковал такие названия, как Платт, Симаррон и так далее, а на карте дорог имелась одна длинная красная линия под названием «Трасса № 6», что вела с кончика Кейп-Кода напрямиком в Илай, Невада, а оттуда ныряла к Лос-Анджелесу. Просто-напросто не буду никуда сворачивать с «шестерки» до самого Илая, сказал я себе и уверенно пустился в путь. Чтобы выйти на трассу, мне предстояло подняться до Медвежьей горы. Полный мечтаний о том, что стану делать в Чикаго, Денвере и наконец в Сан-Фране, я сел на Седьмой авеню в подземку до конечной станции на 242-й улице, а оттуда трамваем поехал в Йонкерс; там в центре пересел на другой трамвай и доехал до городской окраины на восточном берегу Гудзона. Если случится вам опустить цветок розы в воды Гудзона у его таинственных истоков в Адирондаках, подумайте о тех местах, мимо которых плывет он на пути вечно к морю, – подумайте об этой чудесной долине Гудзона. Я начал стопарить к ее верховьям. За пять разрозненных перегонов я очутился у искомого моста Медвежьей горы, куда из Новой Англии сворачивала трасса № 6. Когда меня там

высадили, хлынул дождь. Горы. Трасса № 6 шла из-за реки, миновала круговую развязку и терялась в глухомани. По ней не только никто не ехал, но и дождь припустил как из ведра, а спрятаться негде. В поисках укрытия пришлось забежать под какие-то сосны, но не помогло; я начал плакать, материться и колотить себя по башке за то, что такой чертов дурень. Я в сорока милях к северу от Нью-Йорка; пока добирался сюда, меня грызла мысль, что в этот знаменательный первый день я все двигаюсь на север, а не на столь желанный запад. И вот еще и застрял на этом северном завесе. С четверть мили я пробежал до прелестной заброшенной бензоколонки в английском стиле и остановился под каплющими свесами. В вышине над головой огромная шерстистая Медвежья гора метала вниз раскаты грома, вселяя в меня страх Господень. До самых небес видны лишь дымчатые деревья да гнетущее безлюдье. «И чего, к чертям собачьим, мне тут понадобилось? – ругался я, плакал и хотел в Чикаго. – Вот сейчас у них там как раз клево, что-то делают, а я тут, и когда ж я до них доберусь...» – и так далее. Наконец у пустой заправки остановилась машина; мужчина и две женщины в ней хотели получше рассмотреть карту. Я вышел под дождь и замахал рукой; те посоветались: конечно, я смахивал на какого-то маньяка с мокрыми насквозь волосами, в хлюпающих ботинках. Ботинки мои – ну что я за придурок, а? – были такими растительными с виду мексиканскими *гуара-*

чами¹² – сито, а не башмаки, совершенно не годятся ни для ночных дождей в Америке, ни для грубых ночных дорог. Но эти люди впустили меня к себе и отвезли на север в Ньюбург, что я принял как гораздо лучший вариант, нежели засесть в глуши под Медвежьей горой на всю ночь.

– А кроме того, – сказал мужчина, – по шестерке тут нет никакого движения. Если хочешь попасть в Чикаго, лучше проехать в Нью-Йорке по тоннелю Холланда и двинуться в сторону Питтсбурга, – и я понял, что он прав. Такова моя скисшая мечта: сидя дома у камина глупо воображать, как замечательно будет проехать через всю Америку по единственной великой красной линии, а не пробовать разные дороги и трассы.

В Ньюбурге дождь кончился. Я дошел до реки и пришлось возвращаться в Нью-Йорк на автобусе с делегацией школьных учительниц, ехавших с пикника в горах: одно бесконечное ля-ля-ля языками; а я матерился, жалея времени и денег, какие профукал, и говорил себе: вот, хотел поехать на запад, а вместо этого весь день и еще полночи катался вверх-вниз, с юга на север и обратно, как будто не можешь завестись. И поклялся себе, что завтра же буду в Чикаго, а для этого взял билет на чикагский автобус, истратив почти все свои деньги, да и плевать, лишь бы завтра же оказаться в Чикаго.

¹² Сандалии (*искаж. исп.*).

3

То была совершенно обычная поездка в автобусе с орущими детьми и жарким солнцем, народ подсаживался в каждом пенсильванском городке, пока не выехали на равнину Огайо и не покатали вперед по-настоящему – вверх до Аштабулы и напрямик через Индиану уже ночью. Я приехал в Чи ни свет ни заря, вписался в общагу «Молодых христиан»¹³ и завалился спать, а долларов в кармане оставалось совсем ничего. Врубаться в Чикаго я начал после хорошего дневного сна.

Ветер с озера Мичиган, боп на Петле¹⁴, долгие прогулки по Южному Голстеду и Северному Кларку и одна, особенно долгая – за полночь в джунгли, где за мной увязалась патрульная машина, решив, что тип я подозрительный. В то время, в 1947-м, боп, как бешеный, захватил всю Америку. Мужики на Петле лабали ништяк, но как-то устало, поскольку боп попал как раз куда-то между «Орнитологией» Чарли Паркера и другим периодом, начинавшимся с Майлса Девиса¹⁵. И пока сидел я и слушал звучание ночи, которую боп

¹³ Имеется в виду Ассоциация молодых христиан (АМХ) – неполитическая международная организация, чье американское отделение было основано в 1851 г. в Бостоне.

¹⁴ «The Loop» – обиходное название центральной части Чикаго, бытует с конца XIX в., когда были проложены линии канатного трамвая (1882) или построено кольцо надземки (1895–1897).

¹⁵ Чарлз Паркер-мл. (1920–1955) по прозвищу «Птенчик» или «Птица» – аме-

стал олицетворять для каждого из нас, я думал обо всех своих друзьях от одного конца страны до другого и о том, что все они на самом деле – на всеобщих громадных задворках: что-то делают, носятся. И вот, впервые в своей жизни, назавтра я отправился к Западу. Стоял теплый и чудный для автостопа день. Чтоб выбраться из невероятных нагромождений чикагского уличного движения, автобусом поехал в Джолиет, Иллинойс, миновал джолиетскую кичу ¹⁶, после прогулки по тряским зеленым улочкам за нею вышел на окраину и там уже наострился. А то всю дорогу от Нью-Йорка до Джолиета автобусом, а денег спустил больше половины.

Первым меня подбросил на тридцать миль в глубь великого зеленого Иллинойса грузовик с динамитом и красным флажком, водитель потом свернул на перекрестке трассы 6, по которой мы ехали, с трассой 66 там, где обе разбегались на запад в невероятные дали. Потом, часов около трех дня, когда я уже пообедал яблочным пирогом и мороженым у придорожного киоска, свою маленькую легковушку затормозила ради меня женщина. Пока я бежал к машине, во мне всколыхнулась было крутая радость. Но женщина оказалась средних лет, у нее самой сыновья моих годков, и она просто хотела, чтобы кто-нибудь помог ей доехать до Айовы. Я был

риканский джазовый саксофонист и композитор. «Ornithology» (1946) – бибоповый стандарт, сочиненный Паркером и трубачом Бенни Хэррисом. Майлз Дьюи Дейвис 3-й (1926–1991) – американский джазовый трубач, композитор и руководитель оркестра.

¹⁶ Исправительный центр в Джолиэте (1858–2002) – тюрьма штата Иллинойс.

только за. Айова! До Денвера рукой подать, а как только попаду в Денвер, можно и расслабиться. Первые несколько часов вела она и разок даже настояла, чтоб мы, как туристы, осмотрели где-то старую церквушку, а потом за руль сел я и, хоть водила из меня аховый, чистенько проехал весь остаток Иллинойса в Давенпорт, Айова, минуя Рок-Айленд. И здесь впервые в жизни увидел я свою любимую Миссисипи, пересохшую в летней дымке, с низкой водой, с этой тухлой вонищей грубого тела самой Америки, раз она его оmyвает. Рок-Айленд – железнодорожные пути, хибары, крохотный центр; а через мост – Давенпорт, такой же городишко, весь пропахший опилками под теплым среднезападным солнышком. Тут даме надо было ехать к себе домой в Айову по другой дороге, и я вылез.

Солнце садилось. Выпив холодного пива, я пошагал на окраину, и то была длинная прогулка. Все мужчины возвращались с работы домой, на головах железнодорожные фуражки, бейсбольные кепки – всякие, как после работы в любом другом городке, какой ни возьми. Один подвез меня в горку и высадил на безлюдном перекрестке у края прерии. Там было красиво. Мимо ездили одни машины фермеров: те подозрительно оглядывали меня и с лязгом катили дальше, коровы домой возвращались. Ни грузовика. Пронеслось еще несколько машин. Промчался какой-то пижон с развевающимся шарфиком. Солнце скрылось окончательно, и я остался в лиловой тьме. Теперь уже стало страшно. На про-

сторах Айовы ни огонька – через минуту меня никто и разглядеть не сможет. К счастью, человек, ехавший обратно в Давенпорт, подбросил меня до центра. Но я по-прежнему там, откуда начал.

Я посидел на автостанции и все обдумал. Съел еще яблочного пирога с мороженым – практически больше я ничего и не ел, пока ехал по стране, это питательно и, само собой, вкусно. Потом решил сыграть наудачу. С полчаса поразглядывав официантку в станционном кафе, из центра Давенпорта я доехал автобусом снова до окраины – но на сей раз туда, где бензоколонки. Тут рычали большие грузовики, фигак, и через пару минут один тормознул рядом. Пока я бежал до кабины, душа моя улюлюкала. Ну и водила в нем – крутой лупоглазый здоровяк с хриплым наждачным голосом, он лишь дергал и пинал все, вновь запуская свой агрегат, а на меня едва обратил внимание. Поэтому я смог немного отдохнуть своей усталой душой, ибо, когда едешь стопом, больше всего хлопот от того, что нужно разговаривать с бессчетными людьми, как бы убеждая их, что они, подобрав тебя, не ошиблись, и даже как бы развлекать их, и все это оборачивается громадным напрягом, если всю дорогу только едешь и не намерен ночевать в гостиницах. А этот парень только орал, перекрывая рев, мне тоже приходилось орать в ответ, и мы расслабились. Он гнал свою махину в самый Айова-Сити и орал мне свои анекдоты про то, как лихо обводит вокруг пальца закон в каждом городишке, где несправедливые ограниче-

ния скорости, и каждый раз при этом повторял: «К *моей* жопе этим проклятым фараонам не подкопаться!» Сразу перед въездом в Айова-Сити он увидел, как нас догоняет другой грузовик, и, поскольку в городе ему надо было сворачивать, он помигал тому парню стоп-сигналами и притормозил, чтоб я выпрыгнул, что я и сделал вместе с сумкой, а тот, признав сделку, остановился меня взять, и снова я глазом моргнуть не успел, а уже сидел на верхотуре в другой здоровенной кабине, целя гнать сквозь ночь еще сотни миль, и как же я был счастлив! А новый водила оказался таким же чокнутым, как и первый, орал столько же, и мне осталось лишь откинуться назад и катить себе дальше. Я уже видел, как впереди, под звездами, за прериями Айовы и равнинами Небраски передо мною Землей Обетованной смутно проступает Денвер, а за ним видением еще величественнее – Сан-Франциско самоцветами в ночи. Пару часов мой водитель выжимал полную и травил байки, а потом, в айовском городишке, где несколько лет спустя нас с Дином задержат по подозрению в том, что смахивало на угон «кадиллака», поспал несколько часов на сиденье. Я тоже вздремнул, а потом немного прошелся вдоль одиноких кирпичных стен, освещенных единственным фонарем, и в конце каждой улочки супилась прерия, и запах кукурузы рососою витал в ночи.

На заре водила вздрогнул и проснулся. Мы взревели дальше, и через час над зелеными кукурузными полями уже навис дым Де-Мойна. Теперь водиле настала пора завтракать,

да без напрягов, поэтому в Де-Мойн, где-то четыре мили, я поехал сам, подсев к паре ребяток из Университета Айовы; было странно сидеть в их новехонькой удобной машине и слушать про экзамены, пока мы гладко вкатывали в город. Теперь мне хотелось проспять весь день. Поэтому я снова пошел вписываться в христианскую общагу; свободных комнат у них не было, и инстинкт довел меня до железной дороги – а их в Де-Мойне полно, – и дело кончилось гостиницей рядом с локомотивным депо, похожей на старую мрачную таверну где-нибудь на Равнинах, и вот там целый долгий день я спал в большой, чистой, жесткой и белой постели с неприличными надписями, выцарапанными на стенке рядом с подушкой, и битыми желтыми жалюзи, закрывавшими дымный вид на депо. Проснулся я, когда солнце краснело, и то был единственный отчетливый раз в моей жизни, самый странный миг, когда я не знал, кто я: далеко от дома, загнанный и замученный путешествием, в дешевом номере, которого никогда прежде не видел, за окном свистит пар, потрескивает старая гостиничная древесина, шаги наверху и все эти печальные звуки, а я смотрел на высокий потолок весь в трещинах, и странных секунд пятнадцать впрямь не соображал, кто я. Это не страшно; просто я кто-то другой, какой-то чужак, и вся моя жизнь призрачна, ее живет привидение. Я проехал пол-Америки и сейчас – на пограничной линии, отделяющей Восток моей юности от Запада моего будущего, стало быть, может, поэтому произошло это здесь и сейчас, странный красный

закат этого дня.

Но пора шагать и не стонать, поэтому я взял сумку, сказал «пока» старичку-управляющему, сидевшему у своей плевательницы, и пошел есть. Я съел яблочный пирог и мороженое – чем глубже в Айову, тем лучше становилось: ломти пирога больше, мороженое гуще. В тот день в Де-Мойне я видел стайки самых красивых девчонок – старшеклассницы шли из школы домой, – но теперь не время об этом думать, я пообещал себе балёху в Денвере. В Денвере уже Карло Маркс; там Дин; там Чад Кинг и Тим Грей, они оттуда родом; там Мэрилу; там клевейшая кодла, известная мне понаслышке, включая Рея Ролинса и его прекрасную сестру-блондинку Детку Ролинс; двух официанток, знакомых Дина – сестер Беттенкур; там даже Роланд Мейджор, мой старинный кореш по колледжу, тоже писатель. Я с нетерпением и радостью ждал встречи с ними всеми. А потому проносился мимо смазливых девчонок, а самые смазливые девчонки на свете живут в Де-Мойне.

Вверх по долгому склону меня подбросил парень в чем-то вроде слесарки на колесах – такой грузовичок, забитый инструментами, которым он управлял стоя, как осовремененный молочник, – а там я сразу же подсел к фермеру с сыном, которые ехали в Адель где-то в Айове. В том городке под большим вязом у бензоколонки я познакомился с другим автостопщиком: такой типичный ньюйоркец, ирландец, почти всю свою трудовую жизнь водил почтовый фургон, а теперь

едет в Денвер к своей девчонке и новой жизни. Думаю, он убежал от чего-то в Нью-Йорке, скорее всего – от закона. Настоящий красноносый молодой алкаш в районе тридцатника, и обычно мне быстро стало бы с ним скучно, но теперь все мои чувства обострились навстречу любой человеческой дружбе. На нем были битый свитер и мешковатые штаны, а в смысле сумки не имелось ничего – лишь зубная щетка да носовые платки. Он сказал, что дальше нам надо вместе. Я бы вообще-то отказался, потому что на дороге он смотрелся довольно ужасно. Но мы остались вместе и с каким-то неразговорчивым мужиком доехали до Стюарта, Айова, тут-то и сели на мель по-настоящему. Простояли мы перед будкой железнодорожной кассы добрых пять часов, до самого заката, дожидаясь хоть какого-нибудь транспорта в западную сторону; тратили время бездарно – поначалу рассказывали каждый о себе, потом он травил неприличные анекдоты, потом мы уже просто пинали гравий и издавали разные дурацкие звуки. Скукотища. Я решил потратить дуб на пиво; мы зашли в старый стюартовский салун и пропустили по несколько. Потом он нажрался так, как обычно нажирался по вечерам дома, на своей Девятой авеню, и стал радостно вопить мне в ухо всякие омерзительные мечты всей жизни. Мне он даже понравился; не потому, что был неплохим чуваком, как оно позже и оказалось, а потому, что подходил ко всему с энтузиазмом. В потемках мы снова вышли на дорогу, и там, конечно, никто не останавливался и почти никто не ездил.

Так тянулось до трех часов утра. Какое-то время мы пытались заснуть на скамейках в железнодорожной кассе, но там всю ночь шел телеграф, не давая спать, а снаружи грохотали большие товарняки. Мы не знали, как прыгнуть на нужный; никогда не пробовали; не знали, на запад они идут или на восток, не умели выбирать товарные вагоны, платформы или размороженные холодильники и так далее. Поэтому сразу перед зарей, когда мимо проезжал автобус на Омаху, мы в него вскочили к спавшим пассажирам – я заплатил и за него, и за себя. Звали его Эдди. Он напоминал мне моего двоюродного зятя из Бронкса. Потому-то я с ним и остался. Типа рядом – старый друг, добродушный улыбчивый кент, с кем можно дурака валять.

Мы прибыли в Каунсил-Блаффс на рассвете; я выглянул наружу. Всю зиму я читал о больших караванах фургонов, которые собирались здесь держать совет перед тем, как разными тропами отправляться к Орегону и Санта-Фе; сейчас же тут, конечно, только славненькие пригородные коттеджи, выстроенные и так и эдак, раскинулись в угрюмом сером свете зари. Затем Омаха, и, ей-Богу, я увидел первого ковбоя, он шел вдоль блеклой стены оптовых мясных складов в своей десятигаллонной шляпе и тexasских сапогах и был совсем похож на любого битого жизнью субъекта утром у кирпичной стены на востоке, если б не прикид. Мы слезли с автобуса и потопали на самый верх, в долгую гору, что тысячелетиями складывала могучая Миссури, вдоль которой и выстрое-

на Омаха, вышли на простор и вытянули руки. Недалеко нас подвез зажиточный скотовод в десятигаллонной шляпе, кто сообщил, что долина Платт такая же большая, как и долина Нила в Египте, и не успел он это сказать, как я увидел вдали громадные деревья, чья полоса змеилась вместе с руслом, а вокруг бескрайние зеленеющие поля, и почти что согласился с ним. Позже, пока стояли на другом перекрестке, а небо начало затягивать, нас подозвал еще один ковбой, на сей раз шести футов росту и в скромной полугаллонной шляпе, и поинтересовался, умеет ли кто-нибудь водить машину. Само собой, Эдди мог, у него были права, а у меня нет. Ковбой перегонял назад в Монтану два своих автомобиля. Его жена ждала в Гранд-Айленде, и он хотел, чтобы кто-то из нас доставил туда один, а там уже сядет она. Оттуда он двигался на север, и там наша поездка с ним всё. Но это добрая сотня миль в глубь Небраски, поэтому, конечно, за предложение мы ухватились. Эдди поехал один, мы с ковбоем – следом, но не успели выехать из города, как Эдди от чистого избытка чувств стал выжимать девяносто миль в час.

– Будь я проклят, что этот парень делает! – заорал ковбой и рванул за ним. Стало похоже на гонки. На минуту я усомнился, не пытается ли Эдди просто удрать вместе с машиной, – и чего доброго как раз это он и затеял. Но ковбой приклеился к нему, догнал и задудел. Эдди сбавил газ. Ковбой посигналил еще, чтоб остановился. – Чертов парень, у тебя колесо может спустить на такой скорости. Ты не мог бы

помедленней?

– Вот же черт, я что, на самом деле девяносто сделал? – спросил Эдди. – Я и не понял на такой ровной дороге.

– Давай полегче, и тогда мы все доберемся до Гранд-Айленда в целости и сохранности.

– Ништяк. – И мы поехали дальше. Эдди успокоился, и его даже, наверно, потянуло в сон. Так мы и ехали эту сотню миль по Небраске, повторяя изгибы Платт с ее цветущими полями.

– В депрессию, – рассказывал мне ковбой, – я, бывало, прыгал на товарняк раз в месяц по меньшей мере. В те дни на платформе или в товарном вагоне можно было видеть сотни мужиков – не только бродяг, там разные люди были – одни без работы, другие перебирались с места на место, кое-кто просто скитался. Так по всему Западу было. Кондукторы никогда никого не беспокоили. Как сейчас – не знаю. В Небраске нечего делать. Прикинь, в середине тридцатых тут, докуда глаз хватало, была сплошь туча пыли и больше ничего¹⁷. Дышать нечем. Земля вся черная. Я тогда жил здесь. Да плевать, пускай хоть обратно индейцам Небраску отдают. Я эту чертову глушь ненавижу пуще всего на свете. Теперь дом у меня в Монтане – Мизула. Вот приезжай туда как-нибудь, увидишь воистину Божью страну. – Позже, под вечер, когда

¹⁷ Речь о т. н. «Пыльной лоханке» (The Dust Bowl) – засушливом районе на Западе (в штатах Канзас, Колорадо, Оклахома, Нью-Мексико и Техас), сильнее всего пострадавшем от пыльных бурь 1933–1935 гг.

он устал говорить, я уснул, а он был интересный рассказчик.

По дороге остановились перекусить. Ковбой ушел латать запасную шину, а мы с Эдди усаелись в чем-то типа домашней столовки. Тут я услышал хохот, громчайший хохот на всем белом свете, и в столовую зашел такой дубленый старпер, небраскинский фермер с оравой парней; скрежет его воплей разносился в тот день по всем равнинам, по всему их серому миру. Остальные ржали с ним вместе. Ни забот, ни хлопот у него и вместе с тем здоровеннейшее уважение к каждому. Я сказал себе: «Эге, только послушай, как этот чувак ржет. Вот тебе Запад, это я на Западе». Он с громом ввалился в столовку, выкликая Мо по имени, а та готовила сладчайшие вишневые пироги в Небраске, и я себе взял вместе с черпаком мороженого горой сверху.

– Мо, сооруди-ка мне скоренько чего-нибудь порубать, пока я тут сам себя не слопал в сыром виде или еще как не сглупил. – И он швырнул себя на табурет, и началось просто «хья-хья-хья-хья». – И фасоли туда еще закинь. – Рядом со мною сидел сам дух Запада. Вот бы узнать всю его необструганную жизнь, каким чертом он все эти годы занимался, помимо того, что ржал и эдак вот вопил. У-ух, сказал я своей душе, тут вернулся наш ковбой, и мы отбыли в Гранд-Айленд.

Доехали, не успев и глазом моргнуть. Ковбой отправился за своей женой и к той судьбе, что ожидала его, а мы с Эдди снова вышли на дорогу. Сначала нас подбросили двое моло-

дых чуваков – трепачи, пацаны, пастухи деревенские в собранном из старья драндулете, – и высадили где-то в чистом поле под начинавшим сеяться дождиком. Потом старик, который ничего не говорил, – вообще Бог знает, зачем он нас подобрал, – довез до Шелтона. Тут Эдди уныло и отрешенно встал посреди дороги перед вылупившейся на него компанией приземистых коротышек – индейцев-омаха, которым было некуда идти и нечего делать. За дорогой лежали рельсы, а на водокачке было написано: ШЕЛТОН.

– Дьявольщина, – произнес Эдди в изумлении, – я уже тут бывал. Дело давнее, еще в войну, ночью, поздно, и все уже спали. Выхожу я на платформу покурить, а вокруг – ни черта, и мы в самой середине, темно, как в преисподней, я наверх гляжу, а там это название «Шелтон» на водокачке написано. Мы к Тихому едем, все храпят, ну каждая падла дрыхнет, а стоим всего каких-то несколько минут, в топке там шуруют или еще чего-то – и вот уже поехали. Черт бы меня брал, тот же самый Шелтон! Да я с тех самых пор это место терпеть не могу! – В Шелтоне мы и застряли. Как и в Давенпорте, Айова, все машины отчего-то оказывались фермерскими, да время от времени машина с туристами, что еще хуже: старище за рулем, а жены тычут пальцами в виды вокруг, вперяются в карту или откидываются на спинку и с подозрением на все пялятся.

Заморосило сильнее, и Эдди замерз; на нем было очень мало одежды. Я выудил из сумки шерстяную рубашку в клет-

ку, и он ее надел. Стало лучше. Я простыл. В какой-то покосившейся индейской лавке купил себе каплю от кашля. Зашел на почту, курятник два на четыре, и написал тетке открытку за пенни. Мы вернулись на серую дорогу. Вот, перед самым носом – «Шелтон» на водокачке. Мимо прогрохотал рок-айлендский. Мы видели смазанные лица в мягких вагонах. Поезд выл и несся вдаль по равнинам, в сторону наших желаний. Дождик припустил сильнее.

Высокий худощавый старикан в галлонной шляпе остановил машину не с той стороны дороги и направился к нам; смахивал он на шерифа. Мы на всякий случай заготовили отмазки. Подходить он не торопился.

– Вы, парни, едете куда-то или просто так? – Мы не поняли вопроса, а вопрос это был чертовски здоровский.

– А что? – спросили мы.

– Ну, у меня свой маленький карнавал – стоит вон там, несколько миль по дороге, и мне нужны взрослые парни, кто не прочь поработать и подзаработать. У меня концессии на рулетку и деревянные кольца – такие, знаете, на кукол накидываешь, как повезет. Так что, хотите поработать на меня – тридцать процентов выручки ваши?

– А жилье и кормежка?

– Постель будет, но без харчей. Есть придется в городе. Мы немного ездим. – Мы прикинули. – Хорошая возможность, – сказал он, терпеливо ожидая, пока мы решимся. Мы стояли, как дурни, и не знали, что сказать, а я так и вообще

не хотел связываться ни с каким карнавалом. Мне дьявольски не терпелось добраться до всей банды в Денвере.

Я сказал:

– Ну, я не знаю... мне чем быстрее, тем лучше, у меня, наверно, просто не будет времени. – Эдди ответил то же самое, и старик, махнув рукой, обыденно прошлепал обратно к своей машине и уехал. Вот и все. Мы немного посмеялись и представили себе, как это вышло бы. Мне виделась темная, пропыленная ночь посреди равнин, лица небраскинских семейств – те бродят вокруг, их розовые детки взирают на все с трепетом, а я знаю, что ощущал бы себя самым сатаной, дурача их всякими дешевыми карнавальными трюками. Да еще чертово колесо вращается во мраке над степью, да, господибожемой, грустная музыка развеселой карусели, а я такой хочу добраться до своей цели – и ночую в каком-нибудь позолоченном фургоне на джутовой подстилке.

Эдди оказался довольно рассеянным попутчиком. Мимо катила смешная древняя колымага, ею управлял старик; была эта штукавина из какого-то алюминия, квадратная, как ящик, – трейлер, без сомнения, но какой-то странный, чокнутый, небраскинский трейлер-самопал. Ехал он очень неторопливо и невдалеке остановился. Мы бросились к нему; старик сказал, что может взять одного; без единого слова Эдди прыгнул внутрь и медленно задрезжал прочь, увозя мою шерстяную рубашку. Что ж поделаешь, я мысленно помахал своей шотландке; как бы то ни было, она была мне

дорога лишь как память. Я ждал в нашем маленьком персональном богопротивном Шелтоне еще очень и очень долго, несколько часов, не забывая, что скоро ночь; на самом же деле еще стоял день, просто очень темный. Денвер, Денвер, как же мне вообще добраться до Денвера? Я готов был сдаться и собирался немного посидеть за кофе, как остановился сравнительно новый автомобиль, в нем молодой парень. Я бежал как полоумный.

– Куда тебе?

– В Денвер.

– Ну, могу подбросить на сотню миль в ту сторону.

– Чудно, чудно, вы спасли мне жизнь.

– Я сам раньше стопом ездил, поэтому сейчас всегда беру кого-нибудь.

– Я б тоже брал, кабы машина была. – Так мы с ним болтали, он рассказывал мне про свою жизнь, не очень интересную, я стал потихоньку дремать и проснулся у самого Готенбурга, где он меня и высадил.

4

Тут началась самая клевая поездка в моей жизни: грузовик с открытым верхом и без заднего борта, в кузове растянулись шестеро или семеро парней, а водители – два молодых светловолосых фермера из Миннесоты – подбирали всех до единого, кого находили по дороге; такие улыбочивые, бодрые и приятные деревенские лоботрясы, что любо-дорого смотреть, оба в хлопчатобумажных рубашках и робах, больше ничего; оба со здоровенными ручищами и открытыми, широкими и приветливыми улыбками всему, кто или что бы ни попалось на пути. Я подбежал, спросил:

– Место есть?

Мне ответили:

– Конечно, запрыгивай, места всем хватит.

Не успел я взобраться в кузов, как грузовик с ревом рванул; я не удержался, кто-то схватил меня, и я шлепнулся. Кто-то протянул бутылку с сивухой, там оставалось на доньшке. Я глотнул от души в диком, лирическом, морозящем воздухе Небраски.

– Уу-иих, поехали! – завопил пацан в бейсбольной кепке, и они разогнали грузовик до семидесяти, как из пушки, и обгоняли всех на дороге. – Мы на этом сукином сыне аж из самого Де-Мойна едем. Парни вообще не останавливаются. Приходится орать иногда, чтобы слезть поссать, а то ссы с

воздуха да держись, браток, покрепче держись.

Я оглядел компанию. Там было два молодых паренька – фермеры из Северной Дакоты в красных бейсболках, а это стандартный головной убор пацанов-фермеров в Северной Дакоте, они ехали на урожаи; их старик дал им отпуск на лето, поездить. Были два городских мальчишки из Коламбуса, Огайо, старшеклассники-футболисты, они жевали резинку, подмигивали, распевали на ветру и сказали, что целое лето ездят стопом по всем Штатам.

– Мы едем в Эл-Эй! – верещали они.

– А чего делать там будете?

– А черт его знает. Какая разница?

Потом был еще длинный тощий Кент с вороватым взглядом.

– Ты откуда? – спросил я его. Я лежал с ним рядом в кузове; там никак не усидеть, не подсакивая, а поручней нет. И он медленно развернулся ко мне, открыл рот и вымолвил:

– Мон-та-на.

И, наконец, там был Джин с Миссисипи и его подопечный. Джин с Миссисипи был маленьким чернявым парнем, ездил по стране на товарняках, хобо ¹⁸ лет тридцати, но выглядел молодо, а сколько ему на самом деле, нипочем не скажешь. Он сидел на досках по-турецки, смотрел на поля и сот-

¹⁸ Нобо – странствующий работник, в США это понятие с непроясненной этимологией бытует с 1890-х гг. Отличается от «бродяги» (tramp), кто работает только если придется, «бича» (bum), кто не работает никогда, и «сезонника» (okie), кто мигрирует вслед за урожаями сельскохозяйственных культур.

ни миль ни слова не говорил, а в конце концов разок повернулся ко мне и спросил:

– А *ты* куда едешь?

Я ответил, что в Денвер.

– У меня там сестра, но я ее не видал уж лет несколько. – Его речь была мелодична и медлительна. Он был терпелив. Подопечный его – высокий светловолосый паренек лет шестнадцати – тоже был одет в тряпки хобо; то есть на них обоих была старая одежда, почерневшая от паровозной сажи, грязи товарных вагонов и спанья на земле. Светлый пацан тоже вел себя тихо и, казалось, от чего-то убегал; и по тому, как смотрел он прямо вперед и облизывал губы, тревожно размышляя, выходило, что убегал он от закона. Иногда Кент из Монтаны заговаривал с ними, саркастически и оскорбительно щерясь. Те не обращали на него внимания. Кент был весь из себя оскорбление. Я боялся его долгого дурацкого оскала, какой он распахивал прямо тебе в лицо и полупридурочно не отлипал.

– У тебя деньги есть? – спросил он меня.

– Откуда, к черту, на пинту виски, может, хватит, пока доберусь до Денвера. А у тебя?

– Я знаю, где достать.

– Где?

– Где угодно. Всегда ж можно заманить какого-нибудь лопухого в переулочек, а?

– Ну, думаю, можно.

– Мне незападно, когда на самом деле капуста нужна. Еду сейчас в Монтану, отца повидать. Надо будет слезть с этой телеги в Шайенне и двигаться наверх на чем-нибудь другом. Эти психи едут в Лос-Анджелес.

– Прямиком?

– Всю дорогу – если хочешь в Эл-Эй, подвезут.

Я стал раскидывать мозгами: мысль о том, что можно сквозануть ночью через всю Небраску, Вайоминг, утром – пустыня Юты, потом, днем, скорее всего – пустыня Невады, и в натуре прибыть в Лос-Анджелес в обозримом и недалекком будущем, чуть не заставила меня изменить все планы. Но мне надо в Денвер. Тоже придется слезть в Шайенне и стопом проехать девяносто миль к югу до Денвера.

Я обрадовался, когда миннесотские парни, чей был грузовик, решили остановиться в Северном Платте поесть: я хотел на них взглянуть. Они вылезли из кабины и разулыбались всем нам.

– Всем ссать! – сказал один.

– Всем жрать! – сказал другой. Но из всего отряда лишь у них были деньги на еду. Мы приволоклись вслед за ними в ресторан, которым управляла целая орава женщин, и сидели там со своими гамбургерами и кофе, пока они уминали целые подносы еды, точно у мамочки на кухне. Они были братьями, возили сельхозтехнику из Лос-Анджелеса в Миннесоту и неплохо этим зарабатывали. Потому на обратном пути к Побережью, порожняком, и подбирали всех на дороге.

Они уже проделывали такое раз пять; получали бездну удовольствия. Им все нравилось. Улыбки с них не сходили. Я попытался заговорить с ними – довольно неуклюжая попытка с моей стороны подружиться с капитанами нашего корабля, – а в ответ единственно получил две солнечные улыбки и крупные белые зубы, вскормленные на кукурузе.

В ресторане с нами были все, кроме обоих хобо – Джина и его паренька. Когда мы вернулись, они всё так же сидели в кузове, всеми брошенные и безутешные. Опускалась тьма. Водители закурили; я воспользовался случаем купить бутылку виски – согреться в налетающем ночном воздухе. Они улыбнулись, когда я сказал им об этом:

– Валяй, только быстрее.

– И вам по глотку достанется! – заверил их я.

– Нет-нет, мы не пьем, давай сам.

Кент из Монтаны и оба старшеклассника бродили вместе со мной по улицам Северного Платта, пока я не нашел лавку с виски. Они скинулись понемногу, Кент тоже добавил, и я купил квинту. Высокие угрюмые мужики, сидя перед домиками с фальшивыми фасадами, наблюдали, как мы идем мимо: вся главная улица была у них застроена такими квадратными коробками. За каждой унылой улочкой раскрывались громадные пространства равнин. В воздухе Северного Платта я ощутил что-то иное, я не знал, что именно. Минут через пять понял. Мы вернулись к грузовику и рванули дальше. Быстро стемнело. Мы все вкиряли по чуть-чуть, тут я взгля-

нул окрест и увидел, как цветущие поля Платт начали исчезать, а вместо них так, что и конца-краю не видать, возникали длинные плоские пустоши, песок да полынь. Я поразился.

– Что это за черт? – крикнул я Кенту.

– Это пастбища начинаются, парень. Дай-ка мне еще глотнуть.

– В-во как! – орали студенты. – Коламбус, пока! Что бы Живчик с пацанами сказали, очутись они тут. Й-яуу!

Водители впереди поменялись местами; свежий братишка шархнул грузовик до предела. Дорога тоже изменилась: посередке горб, покатые обочины, а по обеим сторонам – канавы глубиной фута по четыре, и грузовик подпрыгивал и перекачивался с одного края дороги на другой – только чудом в это время никто не ехал навстречу, – а я думал, что все мы сейчас кувырнемся. Но братья водили отпадно. Как этот грузовичок справился с небраскинской шишкой – той, что налезает на Колорадо!¹⁹ И вскоре я понял, что и впрямь попал наконец в Колорадо – хоть официально я в него не попал, но если смотреть на юго-запад, то Денвер всего в каких-то нескольких сотнях миль. Я завопил от восторга. Мы пустили пузырь по кругу. Высыпали здоровенные пылающие звезды, песчаные дюны, сливаясь с далью, потускнели. Я себя чувствовал стрелой, способной долететь до самого конца.

И вдруг Джин с Миссисипи повернулся ко мне, очну-

¹⁹ Имеется в виду западный выступ территории штата Небраска, охватывающий с севера северо-восточный угол территории штата Колорадо.

шись от своего терпеливого созерцания по-турецки, открыл рот, наклонился поближе и сказал:

– Эти равнины мне Техас на ум наводят.

– А ты сам из Техаса?

– Нет, сэр, я из Грин-велла, Маз-сипи. – Вот как он это сказал.

– А пацан откуда?

– Он там, в Миссисипи, попал в какую-то заварушку, и я предложил помочь ему выбраться. Парнишка никогда сам нигде не был. Я о нем забочусь как могу, он еще ребенок. – Хоть Джин и был белый, в нем жило что-то от мудрого и усталого старого негра, а иногда проявлялось что-то очень похожее на Элмера Гасселя, нью-йоркского наркомана, да, в нем такое было, но только это такой железнодорожный Гассель, Гассель – бродячий эпос, пересекающий страну вдоль и поперек каждый год, на юг зимой, на север летом, и лишь потому, что у него нет такого места, где мог бы задержаться и не устать от него, и потому, что ехать ему больше некуда, кроме как всюду, он продолжал катить дальше под звездами, в основном – звездами Запада.

– Я пару раз бывал в Ог-дене. Если хочешь доехать до Ог-дена, то у меня там друзья, у них можно залечь.

– Я еду в Денвер из Шайенна.

– На хрена? Поезжай прямо, не всякий день такая прогулка выпадает.

Такое тоже соблазняло. А что в Огдене?

– Что такое Огден? – спросил я.

– Такое место, через которое почти все проезжают и всегда там встречаются; там скорее всего кого хочешь увидишь.

Раньше, когда ходил в моря, я был знаком с длинным костлявым парнем из Луизианы по имени Дылда Газард, Уильям Гольмс Газард, который был хобо по выбору. Еще маленьким увидел он, как к его матери подошел хобо и попросил кусочек пирога, и та ему дала, а когда хобо ушел по дороге, мальчик спросил:

– Ма, а кто этот дядя?

– А-а, это хо-бо.

– Ма, я хочу стать хо-бо, когда вырасту.

– Рот закрой, Газардам не пристало. – Но он так и не забыл того дня, а когда вырос, то после непродолжительного увлечения футболом за УШЛ²⁰ действительно стал хобо. Мы с Дылдой провели множество ночей, рассказывая друг другу разные истории и плюясь табачным соком в бумажные стаканчики. Во всей манере Джина с Миссисипи что-то настолько несомненно напоминало Дылду Газарда, что я спросил:

– Ты случайно где-нибудь не встречал чувака по имени Дылда Газард?

И тот ответил:

– Ты имеешь в виду такого длинного парня, который громко ржет?

²⁰ Университет штата Луизиана.

– Да, вроде похож. Он из Растана, Луизиана.

– Точно. Его еще иногда зовут Длинным из Луизианы. Да, сэр, конечно, я встречал Дылду.

– Он еще работал раньше на нефтеразработках в Восточном Техасе.

– Правильно, в Восточном Техасе. А теперь гоняет скот.

И это было уже совершенно точно; но все-таки я никак не мог поверить в то, что Джин по правде знает Дылду, которого я искал ну, туда-сюда, несколько, в общем, лет.

– Еще раньше он работал на буксирах в Нью-Йорке?

– Ну, насчет этого не знаю.

– Так ты, наверно, знал его только по Западу?

– Видать. Я ни разу не был в Нью-Йорке.

– Черт бы меня побрал, просто поразительно, что ты его знаешь. Такая здоровая страна. И все-таки я был уверен, что ты его знаешь.

– Да, сэр, я знаю Дылду довольно неплохо. Никогда не жметя, если заводятся деньги. Злой, крутой такой парняга к тому ж: я видел, как он уложил легавого на сортировке в Шайенне, одним ударом. – И это на Дылду походило: он постоянно отрабатывал свой «один удар» в воздух; сам он напоминал Джека Демпси ²¹, только молодого и пьющего.

– Черт! – завопил я навстречу ветру, отхлебнул еще, и вот уже мне стало недурно. Каждый глоток уносило прочь летя-

²¹ Уильям Хэrrисон (Джек) Демпси (1895–1983) – американский профессиональный боксер, чемпион мира в тяжелом весе (1919–1926).

щим навстречу воздухом открытого кузова, вред его стирался, а польза оседала в желудке. – Шайенн, вот я еду! – пел я. – Денвер, берегись, я твой!

Кент из Монтаны повернулся ко мне, показал на мои ботинки и сострил:

– Думаешь, если их в землю закопать, что-нибудь вырастет? – даже не улыбнувшись, само собой, а остальные услышали его и захохотали. У меня самые глупые башмаки во всей Америке: я прихватил их специально, чтоб ноги не потели на раскаленной дороге, и, если не считать дождя у Медвежьей горы, обувка эта действительно оказалась годнее некуда для путешествия. Поэтому я засмеялся вместе с ними. Башмаки уже сильно обтрепались, кубиками свежего ананаса из них торчали кусочки разноцветной кожи, а в дырки проглядывали пальцы. В общем, мы тягнули еще и поржали. Как во сне, мы неслись сквозь крохотные городки на перекрестках, что хлопками рвались нам навстречу из темноты, мимо длинных шеренг бездельных сезонников и ковбоев в ночи. Те лишь успевали повернуть головы нам вслед, и уже из разливавшейся тьмы на другом конце городка мы замечали, как они хлопают себя по ляжкам: мы были довольно потешной компанией.

В это время года в деревне было много народу – пора урожая. Парни из Дакоты засуетились:

– Наверно, слезем, когда в следующий раз останются поссать: здесь, кажется, полно работы.

– Когда здесь кончится, просто надо двигаться на север, – посоветовал Кент из Монтаны, – и так идти за урожаем, пока не дойдете до Канады. – Парни вяло кивнули в ответ; они не шибко высоко ставили его советы.

Тем временем молодой светловолосый беглец сидел все так же; Джин то и дело выглядывал из своего буддистского транса на летевшие мимо темные равнины и мягко шептал что-то парню на ухо. Тот кивал. Джин о нем заботился – о его настроениях и его страхах. Я подумал: ну куда, к чертям собачьим, они поедут и что станут делать? У них не было сигарет. Я растранижил на них всю свою пачку, так я их любил. Они были благодарны и благодатны: ничего не просили, а я все предлагал и предлагал. У Монтанского Кента тоже была пачка, но он никого не угощал. Пронеслись сквозь другой городок на перекрестке, мимо еще одной шеренги тощих верзил в джинсах, сбившихся под тусклый фонарь, точно бабочки в пустыне, и вернулись к неохватной тьме, а звезды над головой были чисты и яркие, потому что воздух тончал все больше, чем выше мы взбирались на высокогорье западного плато, где-то фут на милю, говорят, и никакие деревья вокруг не загораживали тут низких звезд. А один раз, когда пролетали мимо, в полыни у дороги я заметил грустную белолицую корову. Как по железной дороге едешь – так же ровно и так же прямо.

Вскоре снова въехали в городок, сбросили скорость, и Кент из Монтаны сказал:

– А, поссать можно! – Но миннесотцы не остановились и поехали дальше. – Черт, мне уже надо, – сказал Кент.

– Давай через борт, – откликнулся кто-то.

– Ну и дам, – сказал он и медленно, пока мы все на него смотрели, дюйм за дюймом стал сидя перемещаться к краю кузова, держась за что только можно, пока не свесил ноги с открытого борта. Кто-то постучал в стекло кабины, чтобы привлечь братьев. Те обернулись и разулыбались, как могли только они. И как раз когда Кент начал делать свои дела, и без того чересчур осторожно, они стали выписывать грузовиком зигзаги на семидесяти милях в час. Кент тут же опрокинулся на спину; мы увидели в воздухе китовый фонтанчик; Кент снова попробовал сесть. Братья мотнули грузовик. Бах, он упал на бок и весь обмочился. В реве ветра мы слышали, как он слабо ругается, будто кто-то скулит где-то за холмами: – Черт... вот черт... – Он так и не понял, что мы делали это намеренно; просто боролся, суровый, как Иов. Закончив, как уж вышло, он был весь хоть выжимай; теперь надо было проерзать на заднице обратно, что он и сделал с самым горестным видом, а все ржали, кроме грустного светловолосого парня, да миннесотцы в кабине ревели. Я протянул ему бутылку, чтобы хоть чем-то порадовать.

– Какого буйвола? – сказал он. – Они что, специально?

– Конечно специально.

– Вот черт, а я не знал. Я ж так уже пытался в Небраске, так там было раза в два легче.

Мы вдруг приехали в городок Огаллала, и здесь чуваки в кабине выкрикнули:

– *Все ссым!* – причем с немалым удовольствием. Кент угрюмо остался у грузовика, сожалея об утраченной возможности. Двое из Дакоты со всеми попрощались, прикинув, что начнут работать на урожаях отсюда. Мы смотрели им вслед, пока они скрывались в темноте в сторону лачуг на окраине, где горел свет и, как сказал ночной сторож в джинсах, живут наниматели. Мне надо было прикупить сигарет. Джин и молодой блондин отправились со мной размять ноги. Я зашел в самое маловероятное место на свете – что-то типа одинокой стекляшки с газировкой для местных подростков на Равнинах. Несколько – совсем немного – мальчишек и девчонок танцевали там под музыкальный автомат. Когда мы зашли, все стихло. Джин с Блондинчиком просто встали, ни на кого не глядя; им только сигареты нужны. Там было и несколько симпотных девчонок. И одна принялась строить Блондинчику глазки, а тот так и не заметил; а если б и заметил, не обратил бы внимания, такая у него была грусть-печаль.

Я купил им по пачке каждому; они сказали спасибо. Грузовик уже был готов трогаться. Время клонилось к полуночи, холодало. Джин, исколесивший страну вдоль и поперек больше раз, чем у него пальцев на руках и ногах, сказал, что нам всем сейчас лучше забиться в кучу под брезент, иначе околеем. Таким вот манером – да с остатком бутылки – мы и согревались, а морозец крепчал и уже пощипывал нам уши.

Звезды казались тем ярче, чем выше взбирались мы на Высокие равнины. Уже заехали в Вайоминг. Лежа на спине, я смотрел прямо вверх, в великолепную твердь, упиваясь тем, как наверстываю упущенное, как далеко, в конце концов, забрался от этой тоскливой Медвежьей горы, я весь дрожал от предчувствия того, что ждет меня в Денвере – да что б меня там ни ждало! А Джин с Миссисипи запел. Пел он молодым тихим голосом с речным выговором, и песенка была незатейливая, просто «У меня была девчонка, ей шиш-надцать лет, и другой такой девчонки в целом свете нет», – это все повторялось вновь да вновь, вставлялись другие строчки, и все про то, что он заехал на край света и хочет вернуться к ней, но ее он уже потерял.

Я сказал:

– Джин, это очень красивая песня.

– Самая славная, какую знаю, – ответил он, улыбнувшись.

– Я надеюсь, ты доберешься туда, куда едешь, и будешь там счастлив.

– Да я всегда выкарабкаюсь и двинусь дальше так или иначе.

Монтанский Кент спал. Тут он проснулся и сказал мне:

– Эй, Чернявый, как по части нам с тобой разнюхать Шайенн вместе сегодня ночью перед там, как поедешь к себе в Денвер?

– Заметано. – Я так напился, что готов был на что угодно.

Когда грузовик въехал на окраины Шайенна, мы увидели

в вышине красные огни местной радиостанции и вдруг ввинтились в огромную толпу, текшую по обоим тротуарам.

– Тьфу ты пропасть, это ж Неделя Дикого Запада, – сказал Кент. Стада дельцов, жирных дельцов в сапогах и десятигаллонных шляпах, с их изрядными женушками, ряженными пастушками, с гиканьем гулеванили на деревянных тротуарах старого Шайенна; дальше начинались длинные жилистые огни бульваров нового центра, но празднество сосредоточилось в Старом городе. Холостыми бахнули пушки. Салуны набиты по самую мостовую. Меня поразило, но в то же время я чувал, до чего это нелепо: вырвался в первый раз на Запад и вижу, до каких нелепых трюков он докатился ради поддержки своей гордой традиции. Нам пришлось спрыгнуть с грузовика и попрощаться: миннесотцам болтаться здесь было неинтересно. Грустно расставаться, и до меня дошло, что больше никогда никого из них я не увижу, но так уж оно все.

– Сегодня ночью вы себе жопы отморозите, – предупредил их я, – а завтра днем в пустыне их поджарите.

– Это в самый раз, лишь бы из холодрыги ночью выбраться, – ответил Джин. И грузовик уехал, осторожно руля в толпе, и никто не обращал внимания, что за странные пацаны смотрят из-под брезента на город, точно младенцы из-под одеялка. Я следил, как машина исчезает в ночи.

5

Мы остались с Кентом из Монтаны и вдарили по барам. В кармане у меня было что-то около семи долларов, и пять из них той ночью я по-глупому просадил. Сначала мы толклись со всякими приковбоенными туристами, нефтяниками и скотоводами – в барах, под притолоками и на тротуарах; потом я ненадолго свалил от Кента, который шарахался по улицам, слегка обалдев от всего выпитого виски и пива: вот так он напивался – глаза у него стекленели, и через минуту он уже ездил по ушам совершенно чужим людям. Я пошел в забегаловку с чили, а официантка там оказалась мексиканкой и очень красивой. Я поел, а потом на обороте чека написал ей любовную записочку. Забегаловка пустовала; все были где-то еще, пили. Я сказал, чтобы она перевернула чек. Она прочла и рассмеялась. Там было стихотвореньице о том, как я хочу, чтобы она пошла смотреть вместе со мною ночь.

– Хорошо бы, *чикито*²², но у меня свидание с парнем.

– А послать его не можешь?

– Нет-нет, не могу, – ответила она печально, и мне очень понравилось, как она это произнесла.

– Тогда в другой раз, как буду тут проезжать, – сказал я, и она отозвалась:

– В любое время, парнишка.

²² Малыш (*искаж. исп.*).

Я все равно еще немного поторчал там, просто на нее посмотреть, и выпил еще чашку кофе. Хмуро вошел ее дружок и поинтересовался, когда она кончит работу. Та засуетилась, чтобы побыстрее закрыть точку. Пора выметаться. Выходя, я улыбнулся ей. Снаружи вся эта катавасия продолжалась как и прежде, только жирные рыгуны напивались сильнее да улюлюкали громче. Смешно это было. В толпе бродили индейские вожди в своих здоровенных уборах из перьев – они в натуре выглядели очень торжественно среди багровых пьяных рож. По улице ковылял Кент, и я побрел с ним рядом.

Он сказал:

– Я только что написал открытку папаше в Монтану. Смогешь тут найти ящик и сбросить ее? – Странная просьба; он отдал мне открытку и ввалился в распашные двери салуна. Я взял ее, пошел к ящику и мельком на нее глянул. «Дорогой Па, дома буду в среду. У меня все в порядке, надеюсь, у тебя тоже, Ричард». Я увидел его по-другому: как нежно-вежлив он со своим отцом. Я зашел в бар и подсел к нему. Мы сняли двух девчонок: хорошенькую юную блондинку и толстую брюнетку. Они были тупые и куксились, но мы хотели их сделать. Отвели их в затрапезный ночной клуб, который уже закрывался, и там я не истратил только два доллара на скотч для них и пиво для нас. Я напивался, и плевать: все было зашибись. Мое существо и помыслы мои стремились к маленькой блондинке. Я хотел проникнуть в нее что было

сил. Обнимал ее и хотел рассказать ей всё. Клуб закрылся, и толпа наша побрела по затрапезным пыльным улицам. Я взглянул на небо: чистые чудные звезды еще пылали. Девочки захотели на автостанцию, и мы пошли туда вместе, но им, очевидно, лишь надо было встретиться с каким-то моряком, который их там ждал, – он оказался двоюродным братом толстой, и к тому же с друзьями. Я сказал блондинке:

– Что за дела? – Она ответила, что хочет домой, в Колорадо, это сразу за железной дорогой, к югу от Шайенна. – Я отвезу тебя на автобусе, – сказал я.

– Нет, автобус останавливается на шоссе, и мне придется тащиться по этой чертовой прерии совсем одной. И так целый день на нее пялишься, а тут еще и ночью по ней ходить?

– Ай, послушай, мы хорошо погуляем среди цветов прерии.

– Нету там никаких цветов, – ответила она. – Я хочу в Нью-Йорк. Мне здесь осточертело. Кроме Шайенна некуда поехать, а в Шайенне нечего делать.

– В Нью-Йорке тоже нечего делать.

– Черта с два нечего, – сказала она, скривив губки.

Автостанция была забита до самых дверей. Самые разные люди ждали автобусов или просто толпились; там было много индейцев, смотревших везде окаменевшими глазами. Девочка перестала со мной разговаривать и прилипла к моряку и остальным. Кент дремал на скамейке. Я тоже сел. Полы автостанций одинаковы по всей стране, всегда в бычках, запле-

ваны и потому нагоняют тоску, присущую только автостанциям. Какой-то миг ничем не отличалось оно тут от Ньюарка, если не считать великой огромности снаружи, которую я так любил. Я сокрушался, что пришлось нарушить чистоту поездки, я не берег каждый цент, чего-то тянул и несколько не продвигался вперед, валял дурака с этой надутой девчонкой и потратил все деньги. Мне стало противно. Я не спал под крышей так давно, что не в силах был даже материться и пенять себе, и потому уснул: свернулся на сиденье, подложив вместо подушки парусиновую сумку, и проспал до восьми утра под сонное бормотание и шум станции, через которую проходят сотни людей.

Проснулся с громадной головной болью. Кента рядом не было – наверное, упылил в свою Монтану. Я вышел наружу. И там в голубом воздухе впервые увидел вдалеке огромные снежные вершины Скалистых гор. Я глубоко вдохнул. Надо попасть в Денвер немедленно. Сперва я позавтракал – умеренно так: тост, кофе и одно яйцо, – а потом двинул из города к шоссе. Фестиваль Дикого Запада еще продолжался: шло родео, и прыжки с гиканьем вот-вот должны были начаться по новой. Я оставил все это за спиной. Мне хотелось увидеть свою банду в Денвере. Перебрался по виадуку через железную дорогу и подошел к кучке хижин на развилке шоссе, обе дороги в Денвер. Я выбрал ту, что поближе к горам, чтоб можно было на них смотреть, и поднял руку. Меня сразу же подобрал молодой парень из Коннектикута, который путе-

шествовал на своем рыдване по стране, рисовал; он был сыном редактора с Востока. Рот у него не закрывался; мне же было паршиво и от выпитого, и от высоты. Один раз чуть не пришлось высовываться прямо в окно. Но к тому времени, как он меня высадил в Лонгмонте, Колорадо, мне снова стало нормально и я даже начал рассказывать ему о состоянии своих странствий. Он пожелал мне удачи.

В Лонгмонте было прекрасно. Под громаднейшим старым деревом пяточок зеленой травки, принадлежавший бензоколонке. Я спросил служителя, нельзя ли мне здесь поспать, и тот ответил, конечно, можно; поэтому я расстелил свою шерстяную рубашку, улегся в нее лицом, выставив локоть и нацелив один глаз на заснеженные вершины, полежал вот так под жарким солнышком всего какой-то миг. Заснул на пару восхитительных часов, и единственное неудобство доставлял случайный колорадский муравей. «Ну вот я и в Колорадо!» – торжествуя думал я. Черт! черт! черт! Получается! И после освежающего сна, наполненного паутинами грез о моей прежней жизни на Востоке, я встал, умылся в мужском туалете на заправке и зашагал дальше, снова четкий, как чайник, купив себе густой молочный коктейль в придорожной закуской, чтоб слегка подморозить раскаленный, исстрадавшийся желудок.

Между прочим, коктейль мне взбивала очень красивая колорадская девчонка; вся такая улыбчивая; я был ей благодарен – это окупало предыдущую ночь. Я сказал себе: «В-

во! Как же тогда будет в *Денвере!*» Снова вышел на ту жаркую дорогу – и вот уже качу дальше в новехонькой машине, за рулем денверский предприниматель лет тридцати пяти. Выжимал семьдесят. У меня все зудело; я считал минуты и вычитал мили. Прямо впереди, за холмистыми пшеничными полями, что золотятся под дальними снегами Эстиса, я наконец скоро увижу старину Денвер. Представлял себя нынче вечером в денверском баре со всей нашей толпой, и в их глазах я буду странным и драным, и как тот Пророк, кто прошел всю землю, чтоб донести темное Слово, а Слово у меня для них одно – «Ух!» У нас с водителем завязалась долгая душевная беседа о наших соответственных планах на жизнь, и не успел я сообразить, как мы уже проезжали мимо оптовых фруктовых рынков в предместье Денвера; там были дымовые трубы, дым, железнодорожные депо, краснокирпичные здания и вдалеке – дома в центре из серого камня; и вот я в Денвере. Высадили меня на Лаример-стрит. Я поплелся дальше, весьма шаловливо и радостно скалясь, смешавшись с местной толпой старых бродяг и битых ковбоев.

6

Тогда еще я не знал Дина так близко, как сейчас, и первым делом мне хотелось найти Чада Кинга, что я и сделал. Позвонил ему домой и поговорил с его матерью, – она сказала: – Сал, это ты, что ты делаешь в Денвере?

Чад – тощий светловолосый парень со странным шаманским лицом, что хорошо согласуется с его интересом к антропологии и доисторическим индейцам. Нос его мягко и почти сливочно горбится под золотым вспыхом волос; он красив и изящен, как фраер с Запада, кто ходит на танцульки в придорожных кабаках и поигрывает в футбол. Когда он говорит, становится слышно эдакий легкий металлический лягз:

– Мне всегда нравилось, Сал, в индейцах Равнин, как бывают они, к бесам, обескуражены, едва нахвастаются, сколько скальпов добыли. У Ракстона в «Жизни на Дальнем Западе»²³ есть индеец, который весь краской заливается потому, что у него так много скальпов, и бежит как угорелый в степи, насладиться славой своих деяний подальше от чужих глаз. *С ума б тут не сойти, к черту, а?*

Мать Чада мне его нашла: тем сонным денверским днем

²³ Джордж Фредерик Ракстон (1821–1848) – лейтенант британской армии, путешественник и писатель. Его серия статей «Life in the Far West» для эдинбургского «Журнала Блэквуда» была опубликована книгой в 1851 г.

он плел индейские корзины в местном музее. Я позвонил ему туда; он заехал за мной в старом двухдверном «форде», на каком обычно ездил в горы копать индейские предметы. Он вошел в зал автостанции в джинсах и с широченной улыбкой. Я сидел на полу, подложив сумку и разговаривая с тем же моряком, что был со мною на автостанции в Шайенне; я расспрашивал его, что случилось с блондинкой. Ему так все навязло в зубах, что он не отвечал. Мы с Чадом забрались в автомобильчик, и перво-наперво надо было забрать какие-то карты в губернаторстве. Потом – встретиться со старым школьным учителем, потом еще что-то, а мне хотелось только пива. Да где-то в затылке шевелилась неуправляемая мысль: где сейчас Дин и что подделывает. Чад по какой-то чудной причине решил больше не быть Дину другом и теперь даже не знал, где тот живет.

– А Карло Маркс в городе?

– Да. – Но и с ним он больше не разговаривает. То было началом отхода Чада Кинга от всей нашей толпы. В тот день мне предстояло вздремнуть у него дома. Говорили, Тим Грей приготовил для меня квартиру где-то на Колфакс-авеню, и Роланд Мейджор уже там поселился и меня ждет. Я ощущал в воздухе какой-то заговор, и заговор этот разграничивал в нашей банде две группы: Чад Кинг, Тим Грей, Роланд Мейджор вместе с Ролинсами, в общем, сговорились игнорировать Дина Мориарти и Карло Маркса. Я влип как раз в середину этой интересной войнушки.

Война велась не без сословных оттенков. Дин был сыном алкаша, одного из самых запойных бродяг на Лаример-стрит, и на самом деле воспитывали его эта улица и ее окрестности. Когда ему было шесть лет, он умолял в суде, чтоб его папу отпустили. Он клянчил деньги в переулках вокруг Лаример и таскал их отцу, а тот ждал его, сидя со старым приятелем среди битых бутылок. Потом, когда подрос, начал ошиваться по бильярдным Гленарма; установил рекорд Денвера по угону автомобилей, и его отправили в исправительную колонию. С одиннадцати до семнадцати лет он обычно сидел в исправилровке. Специальность у него была угнать машину, днем поохотиться на девочек-старшеклассниц, что выходят из школы, увезти их покататься в горы, сделать их там и вернуться спать в ванну любого номера в гостинице, где только можно. Его отец, когда-то уважаемый и трудолюбивый жестянщик, спился от вина, что еще хуже, чем спиться от виски, и опустился так, что зимой стал ездить на товарняках в Техас, а летом возвращался в Денвер. У Дина имелись братья по матери – та умерла, когда он был совсем маленький, – но он им не нравился. Единственными корешами его оставались парни из бильярдной. В то лето в Денвере Дин, обладавший громадной энергией новой разновидности американского святого, и Карло были подземными чудовищами вместе с бильярдной бандой, и прекраснее всего это символизировало то, что Карло жил в подвале на Грант-стрит, и все мы провели там не одну ночь до самой зари –

Карло, Дин, я, Том Снарк, Эд Дункель и Рой Джонсон. Об этих остальных позже.

В свой первый день в Денвере я спал в комнате у Чада Кинга, пока его мать хлопотала по хозяйству внизу, а сам Чад работал в библиотеке. Стоял жаркий высокогорный июльский день. Я б так и не смог заснуть, кабы не изобретение отца Чада Кинга. Ему, прекрасному доброму человеку, было за семьдесят, старый и дряхлый, ссохшийся и изможденный, он рассказывал истории с медленным-медленным смаком; хорошие истории о своем детстве на равнинах Северной Дакоты в восьмидесятых, когда забавы ради он катался на пони без седла и гонялся за койотами с дубинкой. Потом стал учителем в деревне на «оклахомской рукоятке»²⁴ и, наконец, дельцом на все руки в Денвере. Его прежняя контора все еще находилась дальше по улице, над гаражом, – там все так же стояло бюро вместе с пыльными кипами бумаг, следы былых горячек и заработков. Он изобрел особый кондиционер воздуха. Вставил в оконную раму обычный вентилятор и как-то пропустил холодную воду по змеевику перед стрекочущими лопастями. Результат оказался идеальным – в четырех футах от вентилятора, – а затем вода в жаркий день, очевидно, испарялась, а нижняя часть дома раскалялась как обычно. Но я спал на кровати Чада под самым вентилято-

²⁴ «Рукояткой» (panhandle) в США обиходно называют длинный узкий участок территории штата, расположенный между двумя другими штатами, либо между штатом и побережьем.

ром, на меня пялился большой бюст Гёте, и я уютно заснул – а проснулся спустя двадцать минут, замерзнув до смерти. Натянул на себя одеяло, но все равно холодно. Наконец я так замерз, что спать больше не мог, и спустился. Старик спросил, как работает его изобретение. Я ответил, что работает оно зашибись, и не кривил душой в определенных пределах. Мне понравился этот человек. Он был жилист от воспоминаний.

– Я как-то сделал пятновыводитель, и его с тех пор скопировали многие большие фирмы на Востоке. Уж несколько лет пытаюсь что-то за него получить. Были б деньги на порядочного юриста... – Но он сильно опоздал нанимать порядочного юриста и удрученно сидел у себя в доме. Вечером у нас был чудесный ужин, приготовленный матерью Чада: бифштекс из оленины, которую дядя Чада добыл в горах. Но где же Дин?

Следующие десять дней были, как выразился бы В. К. Фильдс ²⁵, «чреваты неукротимой бедою» – и безумны. Я вписался к Роланду Мейджору в шикарную фатеру, принадлежавшую предкам Тима Грея. У каждого из нас была своя спальня, еще имелись кухонька с едой в лёднике и громадная гостиная, где Мейджор сидел в шелковом халате и сочинял новейший Хемингуэвый рассказ – краснолицый толстенький холерик, ненавидевший все на свете; но он же умел зажигать очаровательнейшую и милейшую улыбку на свете, когда свет этот преподносил ему по ночам что-нибудь милое. Он такой сидел за столом, а я прыгал вокруг по толстому мягкому ковру в одних твиловых штанах. Он только что закончил рассказ про парня, впервые в жизни приехавшего в Денвер. Его звать Фил. Спутник его – таинственный и спокойный чувак по имени Сэм. Фил идет врубаться в Денвер и зависает на какой-то богеме. Потом возвращается в номер. Похоронным тоном говорит:

– Сэм, они и тут есть. – А тот лишь печально смотрит в окно.

– Да, – отвечает. – Я знаю. – И весь прикол в том, что Сэму необязательно ходить и смотреть самому. Богема в Америке

²⁵ Уильям Клод Дюкенфилд (1880–1946) – американский комический актер, жонглер и писатель.

повсюду, сосет ее кровь. Мы с Мейджором – большие кореша; он считает, что я очень далек от богемы. Мейджору, как и Хемингуэю, нравятся хорошие вина. Он вспоминал свою недавнюю поездку во Францию:

– Ах, Сал, посидел бы ты со мной высоко в стране басков с холодной бутылочкой «Пуанон Диз-нёв» – тогда б и понял, что кроме товарных вагонов есть кое-что еще.

– Да знаю я. Просто люблю и товарные вагоны, и читать на них названия, типа «Миссури – Тихоокеанская», «Большая Северная», «Рок-Айлендская линия»²⁶. Ей-Богу, Мейджор, если б только я мог рассказать тебе обо всем, что со мною было, пока я сюда добирался.

Ролинсы жили в нескольких кварталах отсюда. То была превосходнейшая семейка – молодящаяся мама, совладелица гостиницы-развалюхи в трущобах, пятеро сыновей и две дочери. Самым диким сынком был Рей Ролинс, кореш Тима Грея с детства. Он с ревом ворвался забрать меня, и мы сразу же с ним поладили. Оттянулись по выпивке в барах на Колфаксе. Одной сестренкой Рея была красавица-блондинка по кличке Детка – этакая западная куколка, теннисистка и серфингистка. Она была девчонкой Тима Грея. А Мейджор, который вообще-то в Денвере проездом, но проездом осно-

²⁶ «Missouri Pacific Railroad» (1872–1982) – одна из первых железных дорог в США западнее Миссисипи. «Great Northern Railway» (1889–1970) – самый северный трансконтинентальный маршрут в США из Сент-Пола в Сиэтл. Под третьей скорее всего имеется в виду «Chicago, Rock Island and Pacific Railroad» (1852–1980) со штаб-квартирой в Чикаго.

вательным, с квартирой, ходил с сестрой Тима Грея Бетти. У меня одного не было девушки. Я у всех спрашивал:

– Где Дин? – Все улыбались и качали головами.

И вот в конце концов случилось. Зазвонил телефон, то был Карло Маркс. Сообщил мне адрес своего подвала. Я спросил:

– А что ты делаешь в Денвере? В смысле что *делаешь*? Что происходит?

– О, погоди расскажу.

Я бросился к нему на стрелку. Он работал по вечерам в универмаге «Мейс»;²⁷ чокнутый Рей Ролинс позвонил ему туда из бара и заставил уборщиц бегать его искать, рассказав им, что кто-то помер. Карло немедленно решил, что помер я. А Ролинс сказал ему по телефону:

– Сал в Денвере. – И дал мой адрес и номер.

– А Дин где?

– Тоже тут. Давай расскажу. – Оказалось, Дин обхаживает сразу двух девчонок: одна – Мэрилу, его первая жена, которая сидит и ждет его в гостинице; вторая – Камилла, новая девушка, которая тоже сидит и ждет его в гостинице. – Дин носится между ними обеими, а в перерывах забегает ко мне заканчивать наши с ним собственные дела.

– И что это за дела?

– Мы с Дином открыли вместе грандиознейший сезон.

²⁷ Имеется в виду магазин торгового холдинга «The May Department Stores Company» (1877–2005) со штаб-квартирой в Сент-Луисе.

Пытаемся общаться абсолютно честно и абсолютно полно, говорить друг другу все, что у нас на уме. Пришлось сесть на бензедрин. Устраиваемся на кровати друг напротив друга по-турецки. Наконец я научил Дина, что ему под силу все, что заблагорассудится: стать мэром Денвера, жениться на миллионерше или быть величайшим поэтом со времен Рембо. Но он все еще бегаёт смотреть эти свои карликовые автогонки. Я хожу с ним. Там он горячится, скачет и орет. Сал, Дин в натуре на таком завис. – Маркс хмыкнул в душе и задумался.

– Каков распорядок? – спросил я. В жизни Дина всегда распорядок.

– Распорядок таков: я вот уже полчаса как с работы. В это время Дин в гостинице развлекает Мэрилу и даёт мне время умыться и переодеться. Ровно в час делает ноги от Мэрилу к Камилле – конечно, ни та, ни другая не знают, что творится, – и разок ей вжаривает, давая мне время приехать ровно в полвторого. Потом отправляется со мной – сперва ему приходилось отпрашиваться у Камиллы, и она уже стала меня ненавидеть, – и мы заваливаем сюда и разговариваем до шести утра. Обычно тратим на это больше, но сейчас все ужасно сложно и ему не хватает времени. Затем в шесть он возвращается к Мэрилу – а завтра вообще весь день будет бегать за бумажками для их развода. Мэрилу не возражает, но настаивает, чтоб он и ей ввинчивал, пока суд да дело. Она говорит, что его любит, Камилла тоже.

Потом он рассказал мне, как Дин познакомился с Камиллой. Рой Джонсон, парнишка из бильярдной, обнаружил ее где-то в баре и отвел в гостиницу; гордость в нем возобладала над здравым смыслом, и он созвал всю банду на нее полюбоваться. Все сидели и разговаривали с Камиллой. Дин смотрел в окно, и больше ничего. Потом все свалили, а он лишь взглянул на Камиллу, показал себе на запястье и разогнул четыре пальца (в смысле что вернется в четыре) – и вышел. В три перед носом Роя Джонсона дверь заперли. В четыре Дину открыли. Я хотел прямо сейчас идти взглянуть на этого безумца. К тому же он обещал уладить мои дела; он знал всех девчонок в городе.

Мы с Карло пошли по затрапезным улицам в денверской ночи. Воздух был мягок, звезды так прекрасны, а всякий булыжный переулок так зазывал в себя, что мне казалось, будто я во сне. Подошли к тем мебелированным комнатам, где Дин колбасился с Камиллой. То был старый краснокирпичный дом, окруженный деревянными гаражами и старыми деревьями, торчащими из-за оградок. Мы поднялись по лестнице, застланной ковром. Карло постучал; и тут же отскочил прятаться; ему не хотелось, чтоб его увидела Камилла. Я остался в дверях. Открыл Дин, совсем голый. На кровати я увидел брюнетку, одно прелестное сливочное бедро прикрыто черными кружевами, она подняла на меня взгляд с легким недоумением.

– Ух ты, Са-а-ал! – протянул Дин. – Н-ну это... э-э...

кхм... да, конечно, ты прибыл... ну, старый сукин сын, ты наконец вышел, значит, на дорогу... Ну, это, гляди... нам надо... да-да, сейчас же... мы должны, просто обязаны!.. Так, Камилла... – И он крутнулся к ней. – Вот Сал, мой старый кореш из Нью-Йор-р-ка, это его первая ночь в Денвере, и мне абсолютно необходимо показать ему тут все и найти ему девушку.

– Но когда ты вернешься?

– Так, сейчас... – (взгляд на часы) – ... ровно час четырнадцать. Я вернусь ровно в *три* четырнадцать подремать часок с тобою, сладко погрезить, моя милая, а потом, как ты знаешь, я тебе говорил, и мы же условились, мне надо будет сходить к одноному юристу по части тех бумажек – посреди ночи, как это ни странно, но я же все под-роб-ней-ше тебе объяснил... – (То была маскировка его randevу с Карло, который по-прежнему прятался.) – Поэтому сейчас же, вот сию же минуту я должен одеться, натянуть штаны, вернуться к жизни, то есть ко внешней жизни, улицам и всякому-разному, мы ж договорились, уже час *пятнадцать*, а время уходит, уходит...

– Ну ладно, Дин, но, уж пожалуйста, возвращайся к трем.

– Я же сказал, милая, и запомни – не к трем, а к трем четырнадцати. Мы же с тобой прямо в глубочайших и чудеснейших глубинах наших душ, моя милая? – И он подошел и несколько раз ее поцеловал. На стене был нарисован голый Дин с огромной висячкой и прочим – работа Камиллы. Я был

поражен. Сумасшествие, да и только.

Мы рванули в ночь; Карло нагнал нас в переулке. И мы проследовали по самой узкой, самой странной, самой извилистой городской улочке, какую я в жизни видел, где-то в самой глубине денверского Мексиканского города. В спящей тиши мы разговаривали громко.

– Сал, – сказал Дин. – У меня тут девчонка ждет тебя вот в эту самую минуту – если не на работе, – (взгляд на часы). – Официантка, Рита Беттенкур, клевая цыпочка, ее чуток клинит по парочке сексуальных напрягов, которые я пытался выправить, думаю, ты разберешься, я ж тебя как облупленного знаю, старик. Поэтому сейчас же туда пойдем – надо пива принести, нет, у них самих есть, вот черт! – Он стукнул себя кулаком в ладонь. – Мне же еще сегодня надо влезть в ее сестренку Мэри.

– Что? – сказал Карло. – Я думал, мы поговорим.

– Да, да, после.

– О, эта денверская хандра! – завопил Карло в небеса.

– Ну, разве не прекраснейший, не милейший ли он чуввак на целом свете? – спросил Дин, тыча мне кулаком под ребра. – Глянь на него. Только глянь на него! – А Карло начал свой мартышечий танец на улицах жизни, как я уже столько раз видел повсюду в Нью-Йорке.

Я только и смог вымолвить:

– Так какого же дьявола мы делаем в Денвере?

– Завтра, Сал, я знаю, где найду тебе работу, – сказал Дин,

снова переключаясь на деловой тон. – Поэтому я к тебе заеду, как только случится перерыв с Мэрилу, прям туда к тебе на фатеру, поздороваюсь с Мейджором, отвезу тебя на трамвае (черт, машины у меня нету) на рынки Камарго, ты там сможешь сразу начать работать и в пятницу уже получишь зарплату. Мы все тут вглухую на мели. У меня уже не первую неделю совершенно нет времени работать. А в пятницу вечером, вне всяких сомнений, мы втроем – старая троица Карло, Дин и Сал – должны сходить на карликовые автогонки, а туда нас подбросит парень в центре, я его знаю и договорюсь... – И так все дальше и дальше в ночь.

Мы добрались до того дома, где жили сестренки-официантки. Та, что для меня, все еще была на работе; дома сидела та, которую хотел Дин. Мы устроились на ее кушетке. Как раз в это время мне полагалось звонить Рею Ролинсу. Я позвонил. Он сразу приехал. Едва войдя, снял рубашку и майку и начал обнимать совершенно ему незнакомую Мэри Беттенкур. По полу катались бутылки. Настало три часа. Дин сдернулся с места погрезить часок с Камиллой. Вернулся он вовремя. Явилась вторая сестра. Теперь нам всем требовалась машина, и мы слишком шумели. Рей Ролинс вызвонил приятеля с машиной. Тот приехал. Все набились внутрь; Карло на заднем сиденье пытался вести с Дином запланированный разговор, но слишком много суматохи вокруг.

– Поехали все ко мне на квартиру! – закричал я. Так и сделали; в тот же миг, как машина остановилась, я выпрыг-

нул и встал на голову на газоне. Все мои ключи выпали; я их так и не нашел. Вопя, мы вбежали в дом. Роланд Мейджор в своем шелковом халате преградил нам путь:

– Я не потерплю подобных сборищ в квартире Тима Грея!

– Что-о? – заорали мы. Поднялась неразбериха. Ролинс катался по газону с одной официанткой. Мейджор нас не впускал. Мы поклялись позвонить Тиму Грею, чтоб дал добро на вечеринку, а также пригласить его самого. Вместо этого все опять рванули по притонам в центре Денвера. Я вдруг оказался посреди улицы в одиночестве и без денег. Пропал мой последний доллар.

Я прошел миль пять по Колфаксу до своей уютной постельки в квартире. Мейджору пришлось меня впустить. Интересно, состоялся ли у Дина с Карло их задушевный разговор. Потом узнаю. Ночи в Денвере прохладные, и я уснул, как бревно.

Потом все стали планировать грандиозный поход в горы. Началось утром, вместе с телефонным звонком, который все только усложнил, – звонил мой дорожный дружбан Эдди, просто наобум; он запомнил некоторые имена, что я упоминал. Теперь мне выпала возможность получить назад свою рубашку. Эдди жил со своей девчонкой в доме рядом с Колфаксом. Спрашивал, не знаю ли я, где можно найти работу, и я ответил, чтоб подходил сюда, прикинув, что про работу будет знать Дин. Тот примчался в спешке, пока мы с Мейджором торопливо завтракали. Дин не хотел даже присесть.

– Мне тысячу дел надо сделать, на самом деле нет времени даже отвезти тебя на Камарго, ну да ладно, поехали.

– Подождем моего дорожного кореша Эдди.

Мейджор развлекался, глядя на нашу спешку. Он-то приехал в Денвер писать в свое удовольствие. К Дину относился с сугубым почтением. Тот не обращал внимания. Мейджор разговаривал с Дином примерно так:

– Мориарти, что это я слышу – вы спите с тремя девушками одновременно? – А Дин шоркал ногами по ковру и отвечал:

– О да, о да, так оно и бывает, – и смотрел на часы, а Мейджор чванливо хмыкал. Убегая с Дином, я чувствовал себя бараном – Мейджор был убежден, что тот недоумок и дурак.

Дин, конечно, таковым не был, и мне хотелось всем это как-то доказать.

Мы встретились с Эдди. Дин и на него не обратил внимания, и мы двинулись на трамвае сквозь жаркий денверский полдень искать работу. Меня корежило от одной мысли. Эдди трещал без умолку, как обычно. На рынках мы нашли человека, который согласился нанять нас обоих; работа началась в четыре утра и заканчивались в шесть вечера. Человек сказал:

– Мне нравятся парни, которым нравится работать.

– Тогда я как раз для вас, – ответил Эдди, а вот я насчет себя был не так уверен. «Просто не буду спать», – решил я. Вокруг столько другого интересного.

Наутро Эдди явился на работу; я – нет. У меня была постель, а еду в ледник покупал Мейджор, и за это я готовил и мыл посуду. А сам тем временем полностью встречал во всё. Однажды вечером Ролинсы устроили у себя большую попойку. Мама Ролинс уехала путешествовать. Рей обзвонил всех, кого знал, и велел принести виски; затем прошелся по девочкам у себя в записной книжке. С ними он заставил разговаривать в основном меня. Объявилась целая куча девчонков. Я позвонил Карло узнать, что сейчас подельывает Дин. Тот должен был приехать к Карло в три часа ночи. После попойки я отправился туда.

Квартира Карло находилась в полуподвале старых краснокирпичных меблирашек на Грант-стрит возле церкви. За-

ходишь в проулок, спускаешься по каким-то каменным ступенькам, открываешь старую грубую дверь и проходишь что-то вроде погреба – и вот уже его дощатая дверь. Походило на келью русского отшельника: кровать, свеча горит, из каменных стен сочится влага, да еще висит какая-то безумная самодельная икона, его произведение. Он читал мне свои стихи. Назывались «Денверская хандра». Карло утром проснулся и услышал, как на улице возле его кельи вякают «вульгарные голуби»; увидел, как на ветвях качаются «печальные соловьи», и те напомнили ему о матери. На город опустился серый саван. Горы, величественные Скалистые горы, что видны на западе из любой части города, были «из папье-маше». Вселенная целиком спятила, окосела и стала крайне странной. Он писал о том, что Дин – «дитя радуги», источник своих мук он носит в мучительном приапуге. Он называл его «Эдиповым Эдди», которому приходится «соскабливать жвачку с оконных стекол». Сидел в своем подвале и размышлял над огромной тетрадкой, куда заносил все, что происходит каждый день, – все, что сделал и сказал Дин.

Дин пришел по расписанию.

– Все четко, – объявил он. – Развожусь с Мэрилу, женюсь на Камилле, и мы с нею едем жить в Сан-Франциско. Но только после того, как мы с тобой, дорогой Карло, съездим в Техас, врубимся в Старого Быка Ли, в этого клевого гада, которого я никогда не видел, а вы двое мне о нем все уши прожужжали, а уж потом двину в Сан-Фран.

Затем они приступили к делу. Скрестив ноги, уселись на кровать и уставились друг на друга. Я скрючился на ближайшем стуле и увидел всё. Начали с какой-то абстрактной мысли, обсудили ее; напомнили друг другу еще про что-то отвлеченное, позабытое за суетой событий; Дин извинился, но пообещал, что сможет вернуться к этому разговору и хорошенько с ним управиться, присовокупив примеры.

Карло сказал:

– Как раз когда мы пересекали Вази, я хотел сказать тебе о том, что чувствую по части твоей одержимости карликами, и вот как раз тогда, помнишь, ты показал на того старого бродягу в мешковатых штанах и сказал, что он вылитый твой отец?

– Да, да, конечно, помню; и не только это, там начался мой собственный поток, что-то настолько дикое, что я должен был тебе рассказать, я совсем забыл, а сейчас вот ты мне напомнил... – И родились еще две новые темы. Они их перемололи. Потом Карло спросил Дина, честен ли тот, и в особенности – честен ли тот с ним в глубине своей души.

– Почему ты опять об этом?

– Я хочу знать напоследок одно...

– Но вот, дорогой Сал, ты слушаешь, сидишь там, давай спросим Сала. Что он скажет?

И я сказал:

– Это последнее – как раз то, чего ты не добьешься, Карло. Никто не может добиться этого последнего. Мы и живем-то

дальше в надеждах поймать это раз и навсегда.

– Нет, нет, нет, ты говоришь совершеннейшую чушь, это шикарная романтика Вульфа!²⁸ – сказал Карло.

А Дин сказал:

– Я совсем не это имел в виду, но пусть уж у Сала будет собственное мнение, и на самом деле, как считаешь, Карло, ведь есть какое-то достоинство в том, как он сидит и врубается в нас, этот кошак ненормальный приехал через всю страну – старик Сал не скажет, ни за что не скажет.

– Дело не в том, что я не скажу, – возмутился я. – Я просто не знаю, к чему вы оба клоните или к чему стремитесь. Я знаю, что это чересчур для кого угодно.

– Все, что ты говоришь, негативно.

– Тогда чего же вы пытаетесь тут добиться?

– Скажи ему.

– Нет, ты скажи.

– Нечего говорить, – сказал я и рассмеялся. На мне была шляпа Карло. Я натянул ее на глаза. – Я хочу спать, – сказал я.

– Бедный Сал постоянно хочет спать. – Я сидел тихо. Они завели сызнова: – Когда ты занял тот пяточок расплатиться за стейки по-куриному²⁹...

²⁸ Томас Клейтон Вулф (1900–1938) – американский прозаик, чьи романы оказали большое влияние на стиль самого Джека Керуака.

²⁹ Стейками по-куриному (chicken fried steaks) в США обиходно называют блюдо южных штатов – тонкий бифштекс в кляре.

– Да нет, дядя, за чили! Помнишь, в «Техасской звезде»?

– Я спутал со вторником. Когда занимал тот пяточок, ты еще сказал, вот слушай, ты сказал: «Карло, это последний раз, когда я сажусь тебе на шею», – будто ты и впрямь сядился и будто на самом деле мы условливались с тобой, что больше ты мне на шею не садишься.

– Нет-нет-нет, совсем не так... Теперь, если тебе угодно, внемли опять той ночи, когда Мэрилу плакала в комнате и когда я, повернувшись к тебе и указав своей подчеркнутой искренностью тона, которая, мы же оба это знали, была нарочитой, но имела свое намерение, то есть я своей актерской игрой показал, что... Но погоди, дело-то не в этом!

– Конечно, не в этом! Потому что ты забыл, что... Но не стану больше тебя обвинять. Да – вот что я сказал... – И дальше, глубже в ночь вот так говорили они. На заре я поднял голову. Они увязывали последние утренние соображения: – Когда я сказал тебе, что мне надо спать из-за Мэрилу, то есть из-за того, что мне надо ее увидеть в десять утра, у меня появился безапелляционный тон вовсе не из-за того, что ты до этого сказал о необязательности сна, а только, учти, только лишь потому, что мне абсолютно, просто, чисто и без всяких чего бы то ни было необходимо лечь спать, в смысле, дядя, у меня глаза слипаются, покраснели, болят, устали, избиты...

– Ах, дитя... – вздохнул Карло.

– Нам сейчас просто надо лечь спать. Давай остановим ма-

шину.

– Машину не остановить! – заорал Карло во весь голос. Запели первые птицы.

– Итак, когда подниму руку, – произнес Дин, – мы закончим разговаривать, мы оба пойдем, чисто и без всяких разборок, что мы просто прекращаем говорить и просто будем спать.

– Нельзя так останавливать машину.

– Стоп машина! – сказал я. Они посмотрели на меня.

– Он все это время не спал и слушал. О чем ты думал, Сал? – Я рассказал им, о чем думал: они оба – потрясные маньяки, а я всю ночь слушал их, будто разглядывал часовой механизм высотой аж до самого перевала Бертуд, сделанный, однако, из мельчайших деталей, какие бывают в самых хрупких часах на свете. Они улыбались. Я ткнул в них пальцем и сказал:

– Если так и дальше пойдет, вы оба свихнетесь, но дайте мне знать, что с вами творится по ходу.

Я вышел и поехал на трамвае к себе на квартиру, а горы Карло Маркса из папье-маше занимались красным, пока великое солнце подымалось из-за восточных равнин.

Вечером меня потащили в поход в горы, и я не видел Дина и Карло пять дней. Детка Ролинс взяла машину своего начальника покататься на выходных. Мы захватили костюмы, развесили их по окнам машины и двинулись к Централ-Сити: Рей Ролинс за рулем, Тим Грей развалился сзади, а Детка восседала впереди. Я впервые увидел Скалистые горы изнутри. Централ-Сити – древний горняцкий поселок, когда-то прозванный «Самой богатой квадратной милей на свете»; старые хрычи, бродившие по горам, нашли там значительные залежи серебра. Разбогатели они в одночасье и выстроили себе на крутом склоне посреди своих хибар прекрасный оперный театрик. Туда приезжали Лилиан Рассел и звезды европейской оперы ³⁰. Потом Централ-Сити стал городом-призраком, пока энергичные типы из Торговой палаты нового Запада не решили возродить это местечко. Надраили маленький театр, и каждое лето там стали выступать

³⁰ «Central City Opera House» построен в 1878 г. по проекту денверского архитектора Роберта Соэрза Рёшлауба в стиле неоренессанса; знаменит, в частности, тем, что в летнюю жару охлаждался горным ручьем, протекавшим по желобу прямо под зданием. В 1910–1927 гг. был переоборудован и работал как кинотеатр. Усилия добровольцев по возрождению театра начались в 1929 г., и в 1932 г. он открылся вновь. Оперная ассоциация Централ-Сити была образована в 1931 г. Лиллиан Расселл (Хелен Луиз Леонард, 1860/61–1922) – американская актриса музыкального театра и певица.

звезды из «Метрополитена»³¹. Для всех замечательные каникулы. Туристы съезжались отовсюду – даже звезды Голливуда. Мы въехали в гору и обнаружили, что узкие улочки под завязку набиты публикой фу-ты-ну-ты. Я вспомнил Мейджорова Сэма: Мейджор был прав. Он и сам был тут – включал всем свою широкую светскую улыбку, самым искренним манером охая и ахая по любому поводу.

– Сал, – закричал он, хватая меня за руку, – ты только посмотри на этот старенький городок. Только подумай, как здесь было сто – да, к черту, всего восемьдесят, шестьдесят лет назад: у них была опера!

– Ну, – ответил я, подражая его персонажу, – но *они-то* тут.

– Сволочи, – выругался он. И отправился наслаждаться дальше под ручку с Бетти Грей.

Детка Ролинс оказалась предприимчивой блондинкой. Знала один старый горняцкий домик на окраине, где мы, мальчишки, в эти выходные могли б заночевать; нужно было лишь вычистить его. К тому же в нем можно закатывать крупные вечеринки. То была старая развалюха, изнутри под дюймовым слоем пыли; еще имелась веранда, а на задах колодец. Тим Грей с Реем Ролинсом засучили рукава и приступили к уборке, и эта громадная работа заняла у них весь день

³¹ «Metropolitan Opera» (с 1883) – американская оперная компания, во время действия романа располагалась в здании оперного театра на перекрестке Бродвея и 39-й улицы (1883–1967).

и часть ночи. Но у них имелось ведро пивных бутылок, и все шло прекрасно.

Что же до меня, то мне поручалось быть гостем оперы, сопровождать туда Детку. Я надел костюм Тима. Всего несколько дней назад я приехал в Денвер как бродяга; теперь же на мне сидел четкий костюм, под руку – ослепительная, хорошо одетая блондинка, и я кланялся разным сановникам и болтал под люстрами в фойе. Что бы сказал Джин с Миссисипи, если б увидел меня!

Давали «Фиделио»³².

– Какая хмарь! – рыдал баритон, восставая из темницы под стонущим камнем. Я рыдал с ним. Я тоже вижу жизнь вот так. Опера меня настолько увлекла, что я ненадолго забыл обстоятельства собственной чокнутой жизни и потерялся в великих скорбных звуках Бетховена и богатых рембрандтовских тонах повествования.

– Ну, Сал, как тебе постановка этого года? – гордо спросил меня потом Денвер Д. Долл на улице. Он был как-то связан с Оперной ассоциацией.

– Какая хмарь, какая хмарь, – ответил я. – Совершенно великолепно.

– Теперь непременно нужно встретиться с артистами, – продолжал он своим официальным тоном, но, к счастью, за-

³² «Fidelio» (1814) – единственная опера немецкого композитора Людвиг ван Бетховена. Далее скорее всего имеется в виду начало второго акта и ария тенора Флорестана «Gott! Welch Dunkel hier!» («Боже! Как здесь темно!»).

был об этом в горячке других дел и исчез.

Мы с Деткой вернулись в шахтерскую хижину. Я разоблачился и тоже взялся за уборку. Работа была несусветная. Роланд Мейджор сидел посередине большой комнаты, где всё уже вымыли, и отказывался помогать. На столике перед ним стояли бутылка пива и стакан. Пока мы носились вокруг с ведрами воды и швабрами, он предавался воспоминаньям:

– Ах, если бы вы только могли поехать со мною, попить чинзано, послушать музыкантов из Бандоля – вот тогда б вы по́жили по-настоящему. И еще есть Нормандия летом: сабо, прекрасный старый кальвадос... Давай, Сэм, – обращался он к своему незримому приятелю. – Доставай вино из воды, посмотрим, хорошо ли охладилось, пока мы ловили рыбу. – Пряма из Хемингуэя, в натуре.

Позвали девчонок, проходивших мимо:

– Давайте, помогите нам тут все вычистить. Сегодня все приглашаются к нам.

Те помогли. На нас пахала здоровенная бригада. Под конец явились певцы из оперного хора, в основном молодые пацаны, и тоже включились. Село солнце.

Наши дневные труды завершились, и мы с Тимом и Ролинсом решили примарафетиться перед великой ночью. Пошли на другой край городка к меблирашкам, куда поселили оперных звезд. В ночи разносилось начало вечернего представления.

– В самый раз, – сказал Ролинс. – Цепляйте бритвы, по-

лотенца и наведем немного красоты. – Еще мы взяли щетки для волос, одеколоны, лосьоны для бритья и, так нагруженные, отправились в ванную. Мылись и пели.

– Ну не клево ли? – не переставал повторять Тим Грей. – Мыться в ванне оперных звезд, брать их полотенца, лосьоны и электробритвы...

То была дивная ночь. Централ-Сити стоит на высоте двух миль: сначала пьянеешь от высоты, потом устаешь, а в душе лихорадка. По узкой темной улочке мы приближались к фонарям вокруг оперного театра; затем резко свернули направо и прошли по нескольким старым салунам с качками дверьми. Почти все туристы были в опере. Начали мы с нескольких особо крупных кружек пива. Еще там имелась пианола. Из задней двери открывался вид на горные склоны в лунном свете. Я заорал ого-го. Ночь началась.

Мы поспешили к себе в горняцкую развалюху. Там всё уже проворилось к крупной вечеринке. Девочки – Детка и Бетти – наготовили закусон, фасоль с сосисками; потом мы потанцевали и с размахом приступили к пиву. Опера закончилась, и к нам набились целые толпы юных девчонок. Ролинс, Тим и я только облизывались. Мы их хватали и плясали. Без музыки, только танцы. Хижина заполнялась народом. Начали приносить бутылки. Мы рванули по барам, потом обратно. Ночь становилась все неистовой. Я пожалел, что здесь нет Дина и Карло – а потом понял, что они здесь были б не в своей тарелке и несчастливы. Как тот мужик в темнице под

камнем, с хмарью, что поднимался из подземелья, мерзкие хипстеры Америки, новое битое поколение, в которое и я медленно вступал.

Появились мальчики из хора. Запели «Милую Аделину»³³. Еще они выпевали фразы типа «Передай мне пиво» и «Что ты zenки мне свои таращишь?», а также издавали своими баритонами длинные завывания «Фи-де-лио!».

– Увы, какая хмарь! – спел я. Девочки были потрясные. Они выходили обниматься с нами на задний двор. В других комнатах стояли кровати, нечистые и все в пыли, и одна девчонка у меня как раз сидела на такой кровати, и я с нею разговаривал, когда внезапно ворвалась целая банда молодых капельдинеров из оперы – они просто хватали девчонок и целовали их без должных церемоний. Малолетки эти, пьяные, растрепанные, взбудораженные, испортили нам вечер. За пять минут все девчонки до единой исчезли, и началась здоровенная пьянка, как в студенческом братстве, с ревом и стучаньем пивными бутылками.

Рей, Тим и я решили прошвырнуться по барам. Мейджор ушел, Детки и Бетти тоже не было. Мы вывалились в ночь. Все бары от стоек до стен забиты оперной толпой. Мейджор орал над головами. Рьяный очкастый Денвер Д. Долл пожи-

³³ «(You're the Flower of My Heart,) Sweet Adeline» (опубл. 1903) – песня Хэрри Армстронга (мелодия 1896 г.) на слова Ричарда Хуша Джерарда, исполнительский стандарт т. н. «цирюльных квартетов» (популярный стиль вокальной музыки, возникший в начале 1900-х годов в США, – ансамбль из четырех не сопровождаемых инструментами мужских голосов: тенор, бас, баритон и солист).

мал всем руки и твердил:

– Добрый день, ну как вы? – а когда пробило полночь, он стал говорить: – Добрый день, ну а *вы* как? – Один раз я заметил, как он уходит с кем-то из сановников. Потом вернулся с женщиной средних лет; через минуту уже разговаривал с парой молодых капельдинеров на улице. Еще через минуту жал мне руку, не узнавая меня, и говорил: – С Новым годом, мальчик мой. – Он не был пьян, его просто пьянило то, что он любил: тусующиеся толпы народа. Его все знали. – С Новым годом! – кричал он, а иногда говорил: – Веселого Рождества. – И так все время. На Рождество он поздравлял публику с Днем всех святых.

В баре сидел тенор, которого все очень уважали; Денвер Долл вынуждал меня с ним познакомиться, а я старался этого избежать; его звали Д'Аннунцио ³⁴ или как-то вроде. С ним была жена. Они кисли за столиком. Еще у стойки торчал какой-то аргентинский турист. Ролинс пихнул его, чтоб подвинулся; тот обернулся и зарычал. Ролинс вручил мне свой стакан и одним ударом сшиб туриста на медные поручни. Тот моментально отключился. Кто-то завопил; мы с Тимом подхватили Ролинса и уволокли. Неразбериха была такая, что шериф даже не смог протолкаться через толпу и найти потерпевшего. Ролинса никто не мог опознать. Мы пошли по другим барам. По темной улице, шатаясь, брел Мейджор.

³⁴ Граф Габриеле д'Аннунцио (Гаэтано Рапаньетто-д'Аннунцио, 1863–1938) – итальянский писатель, поэт, драматург, военный и политический деятель.

– Что там за чертовня? Драки есть? Меня позовите... – Со всех сторон неслось ржание. Интересно, о чем думает Дух Гор, подумал я, поднял взгляд и увидел сосны Банка под лунной, призраки старых горняков – да, интересно... Над всею темной восточной стеной Великого раздела той ночью лишь тишина да шепот ветра, кроме того оврага, где ревели мы; а по другую сторону Раздела лежал огромный Западный склон – большое плато аж до Стимбоут-Спрингс, а затем отвесно обрывалось и уводило в пустыни западного Колорадо и Юты; все во тьме, а мы бесились и орали в своем горном уголке, безумные пьяные американцы посреди могучей земли. Мы были у Америки на крыше и, наверно, только и могли что вопить – сквозь всю ночь, на восток через Равнины, где старик с седыми волосами, вероятно, бредет к нам со Словом где-то, прибудет с минуты на минуту и нас уgomонит.

Ролинс упрямо рвался в тот бар, где подрался. Нам с Тимом не нравилось, но мы его не бросали. Он подошел к Д'Аннунцио, к этому тенору, и выплеснул ему в лицо стакан виски с содовой. Мы выволокли его. К нам пристал баритон из хора, и мы отправились в обычный бар для местных. Здесь Рей обозвал официантку шлюхой. У стойки шеренгой стояла группа хмурых мужиков; туристов они терпеть не могли. Один сказал:

– Лучше, ребятки, если вас тут не станет на счет десять. Раз... – Нас не стало. Мы доковыляли до своей развалюхи и улеглись спать.

Утром я проснулся и перевернулся на другой бок; от матраса поднялась туча пыли. Я дернул окно; заколочено. Тим Грей тоже спал на кровати. Мы кашляли и чихали. Завтрак у нас состоял из выдохшегося пива. Из своей гостиницы пришла Детка, и мы принялись готовиться к отъезду.

Казалось, вокруг все рушится. Уже выходя к машине, Детка поскользнулась и упала ничком. Бедная девочка переутомилась. Ее брат, Тим и я помогли ей подняться. Влезли в машину; к нам сели Мейджор с Бетти. Началось невеселое возвращение в Денвер.

Вдруг мы спустились с горы, и перед нами открылась вся морская гладь Денвера; жар подымался, как от плиты. Мы запели песни. Мне до зуда не терпелось двинуться в Сан-Франциско.

В тот вечер я нашел Карло, и тот, к моему удивлению, сообщил, что они с Дином ездили в Централ-Сити.

– Что вы там делали?

– О, бегали по барам, а потом Дин угнал машину, и мы скатились вниз по горным виражам со скоростью девяносто миль в час.

– Я вас не видел.

– Мы не знали, что и ты там.

– Ну, чувак, еду в Сан-Франциско.

– Сегодня на вечер Дин тебе подготовил Риту.

– Что ж, ладно, тогда отложу. – Денег у меня не было. Авиапочтой я послал тетке письмо, в нем просил прислать пятьдесят долларов и обещал, что это последние деньги, что я у нее прошу; отныне она их будет от меня только получать – как только устроюсь на тот пароход.

Потом я отправился на встречу с Ритой Беттенкур и отвез ее на квартиру. После долгого разговора в темной гостиной завлек ее к себе в спальню. Она была миленькой девчоночкой, простой и правдивой, и ужасно боялась секса. Я ей сказал, что это прекрасно. Хотел ей это доказать. Она позволила, но я оказался слишком нетерпелив и не доказал ничего. Она вздохнула в темноте.

– Чего ты хочешь от жизни? – спросил я – а я это всегда

у девчонок спрашивал.

– Не знаю, – ответила она. – Обслуживать столики и как-то жить дальше. – Она зевнула. Я закрыл ей рот ладонью и велел не зевать. Пытался рассказать ей, до чего меня горючит жизнь и сколько всего мы с Ритой можем сделать вместе, при этом я собирался свалить из Денвера через пару дней. Она устало отвернулась. Мы оба лежали навзничь, глядя в потолок, и не понимали, что ж Господь наделал, сотворив жизнь такой печальной. Мы строили смутные планы встретиться во Фриско.

Мои мгновенья в Денвере истекали, я это чувствовал, когда провожал ее домой, на обратном пути растянулся на траве во дворике старой церкви вместе со стайкой бродяг, и от их разговоров мне захотелось снова вернуться на эту дорогу. Время от времени кто-нибудь поднимался и шулюял у прохожих мелочь. Беседовали они о том, что сборы урожая сдвигаются на север. Было тепло и мягко. Мне хотелось опять пойти и взять Риту, и рассказать ей о многом другом, и уже по-настоящему заняться с нею любовью, и рассеять ее страхи насчет мужчин. Мальчикам и девочкам в Америке друг с другом так тоскливо; изошренность требует, чтоб они предавались сексу немедленно, без подобающих предварительных разговоров. Не светские ухаживания нужны, а настоящий прямой разговор о душах, ибо жизнь священна и всякий миг драгоценен. Я слышал, как в горах завывает локомотив

«Денверской и Рио-Гранде»³⁵. Мне хотелось идти дальше за своей звездой.

Ночные часы мы с Мейджором скоротали за грустной беседой.

– Читал «Зеленые холмы Африки»? Это лучшее у Хемингуэя³⁶. – Мы пожелали друг другу удачи. Увидимся во Фриско. Под темным деревом на улице я заметил Ролинса.

– До свиданья, Рей. Когда еще встретимся? – Я пошел искать Карло и Дина – их нигде не было. Тим Грей вскинул в воздух руку и сказал:

– Значит, едешь, Ё. – Мы звали друг друга «Ё».

– Ну. – Следующие несколько дней я бродил по Денверу. Мерещилось, будто каждый бичара на Лаример-стрит может оказаться отцом Дина Мориарти; Старый Дин Мориарти, звали его Жестянщик. Я зашел в гостиницу «Виндзор», где раньше жили отец с сыном и однажды ночью Дина ужасно разбудил безногий инвалид на тележке, спавший с ними в одной комнате; он с грохотом прокатился по полу на своих кошмарных колесиках, чтобы пощупать мальчика. Видел женщину-карлицу на коротеньких ножках – она продавала газеты на перекрестке Куртис и Пятнадцатой. Прошелся по унылым притончикам на Куртис-стрит; пацанва в джинсах

³⁵ «Denver and Rio Grande Western Railroad» (1870–1988) – узкоколейная горная железная дорога между Денвером и Солт-Лейк-Сити.

³⁶ «Green Hills of Africa» (1935) – вторая публицистическая книга американского писателя Эрнеста Миллера Хемингуэя (1899–1961).

и красных рубашках; арахисовая скорлупа, козырьки киношек, торчковые тире ³⁷. За сверкающей улицей начиналась тьма, а за тьмою – Запад. Надо ехать.

На рассвете я нашел Карло. Чуть-чуть почитал его громадный дневник, поспал там, а утром – промозглым и серым – внутрь ввалились высоченный, шести футов росту, Эд Дункель с пригожим парнишкой Роем Джонсоном и косолапой акулой бильярда Томом Снарком. Расселись вокруг и со сконфуженными улыбками стали слушать, как Карло Маркс читает им свои апокалиптические безумные стихи. Приконченный, я обмяк на стуле.

– О вы, денверские пташки! – кричал Карло. Мы гуськом выбрались оттуда и пошли по типичному денверскому булыжному переулку между медленно курившихся мусоросжигателей.

– Я по этой улочке когда-то гонял обруч, – рассказывал мне Чад Кинг. Хотел бы я посмотреть на него за этим занятием; я вообще хотел увидеть Денвер десять лет назад, когда все они были детьми и солнечным вишнецветным утром весны в Скалистых горах гоняли обручи по радостным переулкам, так много обещавшим, – вся их шарага. И Дин, оборванный и грязный, рыщет сам по себе в своей озабоченной лихорадке.

Мы с Роем Джонсоном брели под моросью; я шел домой к

³⁷ Так с конца 1940-х гг. в американском сленге назывались притоны наркома-нов.

подружке Эдди забрать свою клетчатую шерстяную рубашку, одежду Шелтона, Небраска. В ней, рубашке этой, накрепко завязана, была невообразимо огромная печаль. Рой Джонсон сказал, что встретит меня во Фриско. Во Фриско ехали все. Я сходил и обнаружил, что деньги мне уже прислали. Выглянуло солнце, и Тим Грей поехал со мною на трамвае до автостанции. Я купил билет до Сан-Франа, истратив половину того полтинника, и сел на двухчасовой автобус. Тим Грей помахал мне рукой. Автобус выкатился из легендарных, рьяных улиц Денвера. «Ей-Богу, я должен сюда вернуться и поглядеть, что еще произойдет!» – пообещал себе я. В последнюю минуту позвонил Дин и сказал, что они с Карло, может, тоже приедут ко мне на Побережье; тут я задумался и понял, что за все время не поговорил с Дином и пяти минут.

Я опаздывал на встречу с Реми Бонкёром на две недели. Автобусная поездка из Денвера во Фриско состоялась непримечательно, если не считать того, что чем ближе подъезжали, тем сильнее туда рвалась моя душа. Опять Шайенн, на сей раз днем, потом на запад, через хребет; в полночь в Крестоне пересекли Раздел³⁸, на заре прибыли в Солт-Лейк-Сити – это город газонных поливалок, Дин не мог родиться в месте невероятнее; затем дальше, в Неваду под жарким солнцем, к вечеру – Рино, его мерцающие китайские улочки; потом наверх, в Сьерра-Неваду, сосны, звезды, горные приюты, символы сан-францисских шашней, – маленькая девочка хнычет матери на заднем сиденье:

– Мама, когда мы приедем домой в Траки? – И вот сам Траки, уютный Траки, и вниз по склону, на равнину Сакраменто. Я вдруг сообразил, что я в Калифорнии. Теплый, пальмовый воздух – такой можно целовать – и пальмы. Вдоль знаменитой реки Сакраменто по скоростной супертрассе; снова в горы; вверх, вниз; как вдруг ширь залива (как раз перед зарей) с гирляндами сонных огней Фриско на той стороне. На Оклендском мосту я глубоко заснул – впервые с Ден-

³⁸ Имеется в виду Континентальный, или Великий, раздел – череда хребтов Скалистых гор, образующих водораздел бассейнов Тихого и Атлантического океанов.

вера; поэтому меня грубо растолкали на автостанции на углу Маркет и Четвертой, и ко мне вернулась память о том, что я в трех тысячах двухстах милях от дома моей тетки в Патерсоне, Нью-Джерси. Я выбрел наружу драным призраком – и вот он передо мною, Фриско: длинные унылые улицы с трамвайными проводами, полностью укутанные в туман и белизну. Я проковылял несколько кварталов. Жуткого вида бичи (угол Миссии и Третьей) на рассвете попросили у меня разменной мелочи. Где-то играла музыка. «Ух как же я потом во все это врублюсь! Но сначала надо найти Реми Бонкёра».

Милл-Сити, где жил Реми, оказался скопищем лачуг в долине – хижины выстроили для расселения рабочих Военно-морской верфи в войну; находился он в каньоне, довольно глубоком, по всем склонам деревья в изобилии. Там были свои лавки, свои цирюльни и портные для местных. Говорили, что это единственная община в Америке, где белые и негры живут вместе добровольно; и оказалось действительно так – места дичей и веселее я с тех пор не видел. На двери хижины Реми висела записка, которую он приколот три недели назад:

Сал Парадиз! [огромными печатными буквами] Если никого нет дома,

залезай в окно.

Подпись,

Реми Бонкёр

Записка уже излохматилась и посерела.

Я влез внутрь, и хозяин оказался дома – спал со своей девочкой Ли-Энн на койке, которую украл с торгового судна, как он мне потом сообщил; представьте палубного механика торгового судна, который украдкой перелезает с койкой через борт и, потея, наваливается на весла к берегу. В этом едва ли весь Реми Бонкёр.

Я так подробно пускаюсь во все, что произошло в Сан-Фране, потому что оно увязано со всем остальным, происшедшим по пути. Мы с Реми Бонкёром познакомились много лет назад, еще в приготовительной школе; но по-настоящему нас связывала друг с другом моя бывшая жена. Реми нашел ее первым. Однажды ближе к вечеру зашел ко мне в комнату общаги и сказал:

– Парадиз, подымайся, старый маэстро пришел тебя навестить. – Я поднялся и, пока натягивал штаны, рассыпал мелочь. Было четыре часа дня; в колледже я обычно все время спал. – Ладно-ладно, нечего разбрасывать свое золото по всей комнате. Я нашел клевейшую девчоночку на свете и сегодня вечером отправляюсь с нею напрямиком в «Логово льва».

И он потащил меня с нею знакомиться. Через неделю она уже ходила со мной. Реми был высокий, темный, симпатичный француз (похож на какого-нибудь марсельского фарцовщика лет двадцати); поскольку он был француз, то говорил на таком джазовом американском языке; английский у него

был безупречен, французский – тоже. Любил одеваться шикарно, с легким закосом под делового, ходить с причудливыми блондинками и сорить деньгами. Не то чтоб когда-либо упрекнул он меня за то, что я увел его девушку; это просто всегда привязывало нас друг к другу; парень мне благоволил и по-настоящему симпатизировал – Бог знает почему.

Когда я тем утром нашел его в Милл-Сити, для него как раз настали те битые и недобрые дни, какие обычно приходят к парням вокруг двадцати пяти. Он болтался на биче в ожидании судна, а на кусок хлеба зарабатывал, охраняя бараки на другой стороне каньона. У его девчонки Ли-Энн не язычок был, а бритва, и каждый день она устраивала ему взбучку. Всю неделю они экономили на каждом пенни, а в субботу выходили и спускали полсотни дубов за три часа. По дому Реми разгуливал в шортах и дурацкой армейской пилотке. Ли-Энн ходила в бигудях. В таком виде они всю неделю орали друг на дружку. Я отродясь не видывал столько грызни. Зато в субботу вечером, мило улыбаясь друг дружке, они, как пара преуспевающих голливудских персонажей, снимались с места и ехали в город.

Реми проснулся и увидел, как я лезу в окно. В ушах у меня зазвенел его хохот – самый замечательный хохот в мире:

– Аааахаха, Парадиз – лезет в окно, все делает точно по инструкции. Где ты шлялся, ты опоздал на две недели? – Он хлопал меня по спине, пихал Ли-Энн кулаком под ребра, в изнеможении наваливался на стену, хохотал и плакал, он ко-

лотил по столу так, что слышать на весь Милл-Сити, и это громкое долгое «Ааахаха» эхом разносилось по всему каньону. – Парадиз! – вопил он. – Единственный и незаменимый Парадиз!

По пути сюда я прошел через рыбацкий поселочек Сосалито и первым делом сказал ему:

– В Сосалито, должно быть, много итальянцев.

– В Сосалито, должно быть, много итальянцев! – заорал он во всю силу легких. – Ааахаха! – Он барабанил кулаками по самому себе, он упал на койку, он чуть не скатился на пол. – Вы слышали, что сказал Парадиз? В Сосалито, должно быть, много итальянцев. Аааааха-хаааа! Уууу! В-во! Уииии! – От смеха он весь побагровел, как свекла. – Ох, Парадиз, ты меня убиваешь, ты самый большой комик на свете, вот ты и здесь, добрался наконец, он влез в окно, ты видела, Ли-Энн, он следовал инструкциям и залез через окно. Ааааахаха! Ууухуху!

Самое странное, что по соседству с Реми жил негр по имени мистер Снех, чей хохот, клянусь на Библии, был положительно и окончательно самым выдающимся смехом на свете. Этот мистер Снех как-то раз начал хохотать за ужином, когда его старушка жена мимоходом что-то заметила; встал из-за стола, очевидно, поперхнувшись, оперся о стену, задрал голову к небесам и начал; он вывалился из дверей, цепляясь за соседские стены; он опьянел от хохота, он шатался по всему Милл-Сити в тени домов, все выше вознося свой надсад-

ный вопль торжества во славу того демонического божества, что, должно быть, его к этому подначивало. Так и не знаю, доел ли он свой ужин. Вполне вероятно, что Реми, сам того не сознавая, перенял смех у этого замечательного человека, мистера Снеха. И хотя у Реми были сложности с работой и неудавшаяся семейная жизнь с языкастой бабой, он хотя бы научился ржать едва ли не лучше всех на свете, и я сразу увидел всю ту веселуху, что ожидала нас во Фриско.

Расклад был такой: Реми с Ли-Энн спали на койке в дальнем углу комнаты, а я – на раскладушке под окном. Трогать Ли-Энн мне запрещено. Реми сразу же произнес касательно этого речь:

– Я не хочу застать тут вас двоих за баловством, когда вы думаете, что я не вижу. Старого маэстро новой песенке не научишь. Это моя собственная поговорка. – Я взглянул на Ли-Энн. Лакомый кусочек, такое существо медового цвета, но в глазах ее горела ненависть к нам обоим. Ее устремлением в жизни было выйти за богача. Родилась она в каком-то орегонском городишке. Проклинала тот день, когда связалась с Реми. В один свой выпендренный выходной он истратил на нее сотню долларов, и она решила, будто отыскала себе наследничка. Однако вместо этого застряла в его хижине, и за неимением чего-то лучшего пришлось остаться. Во Фриско у нее была работа: каждый день ей приходилось туда ездить, подсаживаясь на перекрестке на «борзой» автобус. Этого она Реми так и не простила.

Мне полагалось сидеть в хижине и писать блестящий оригинальный рассказ для голливудской студии. Реми собирался слететь с небес на стратосферном авиалайнере с арфой под мышкой и всех нас озолотить; Ли-Энн должна была лететь вместе с ним; он собирался представить ее отцу одного своего приятеля – знаменитому режиссеру, который был на короткой ноге с В. К. Фильдсом³⁹. Поэтому всю первую неделю я сидел в халабуде Милл-Сити и яростно писал какую-то мрачную сказку про Нью-Йорк, которая, как я считал, удовлетворит голливудского режиссера, и единственная беда тут была в том, что рассказ выходил слишком тоскливым. Реми едва смог прочесть его, поэтому пару недель спустя просто отнес его в Голливуд. Ли-Энн все и без того осточертело, и она чересчур нас ненавидела, а потому читать его даже не стала. Бессчетные дождливые часы я только и пил кофе да карябал. В конце концов сказал Реми, что так дело не пойдет; я хочу работу; а то без них я даже сигарет себе купить не могу. Чело Реми омрачила тень разочарования – вечно его разочаровывало самое потешное. Сердце у него золотое.

Он устроил меня туда же, где работал сам, охранником в бараки: я прошел все необходимые процедуры, и, к моему удивлению, те гады меня наняли. Местный начальник поли-

³⁹ За «знаменитым режиссером» стоит фигура Грегори Ла Кавы (1892–1952), американского режиссера 1930-х гг., которого его близкий друг У. К. Филдз даже нанимал ставить свои сцены в фильмах других режиссеров. Его сын Уильям Морс Ла Кава учился в одной школе с Анри Крю.

ции принял у меня присягу, мне выдали жетон, дубинку, и я теперь стал «особым полицейским». Что бы сказали Дин, Карло или Старый Бык Ли, узнай они об этом? Мне полагалось носить темно-синие брюки, черную тужурку и полицейскую фуражку; первые две недели приходилось надевать брюки Реми, а поскольку он был высокого роста и имел солидное брюшко, потому что от скуки много и жадно ел, то на свое первое ночное дежурство я отправился, поддергивая штаны, как Чарли Чаплин. Реми дал мне фонарик и свой автоматический пистолет 32-го калибра.

– Где ты его взял? – спросил я.

– Прошлым летом, когда ехал на Побережье – спрыгнул с поезда в Северном Платте, Небраска, ноги размять, смотрю – а в витрине этот уникальный пистолетик, я его быстренько приобрел и чуть не опоздал на поезд.

Я тоже попытался рассказать ему, что для меня самого значит Северный Платт, когда мы с парнями покупали там виски, а он хлопнул меня по спине и сказал, что я самый большой комик в мире.

Освещая себе фонариком дорогу, я поднялся по крутым склонам южного каньона, вылез на шоссе, по которому к ночному Фриско потоком неслись машины, на другой стороне слез с обочины, чуть не упал и вышел на дно оврага, где у ручья стояла небольшая ферма и каждую божью ночь на меня гавкала одна и та же собака. Оттуда идти уже было легче и быстрее – по серебристой пыльной дороге под чер-

нильно-черными деревьями Калифорнии, по дороге, как в фильме «Знак Зорро»⁴⁰, такие дороги видишь во всех этих дешевых вестернах. Я обычно вытаскивал пистолет и в темноте играл в ковбоев. Потом поднимался еще на одну горку, а там уже стояли бараки. Предназначались они для временного размещения строительных рабочих, направлявшихся за границу. В них останавливались те, кто оказывался тут проездом и ждал судна. Почти все ехали на Окинаву. Почти все от чего-то скрывались – обычно от закона. Там были крутые шараги из Алабамы, ловкачи из Нью-Йорка – в общем, отовсюду шушеры хватало. И во всей полноте представляя себе, как ужасно будет целый год вкалывать на Окинаве, они бухали. Работа особых охранников состояла в том, чтоб следить, не разнесли б они эти бараки. Наша штаб-квартира располагалась в главном здании – деревянном сооружении с дежуркой, обшитой панелями. Здесь мы и сидели вокруг конторки, сдвинув с бедер пистолеты и зевая, а старые копы травили байки.

Кошмарная команда – люди с фараонскими душами все, кроме нас с Реми. Он-то пытался этим просто заработать на жизнь, я – тоже, а вот те и впрямь хотели производить аресты и получать благодарности от начальника городской полиции. Они даже утверждали, что, если не сделаешь хотя бы один арест в месяц, тебя уволят. Я чуть не подавился от перспек-

⁴⁰ Скорее всего имеется в виду «The Mark of Zorro» (1940) армяно-американского режиссера Рубена Мамуляна.

тивы кого-нибудь арестовать. На самом же деле вышло так, что в ту ночь, когда разыгралась вся свистопляска, я был так же пьян, как и вся барачная блотня.

Как раз на ту ночь график сложился так, что на целых шесть часов я остался совсем один – единственный легавый на весь участок; а в бараках нажрались, казалось, все до единого. Дело в том, что утром отходило их судно. Вот они и квасили, как моряки, которым наутро сниматься с якоря. Я сидел в дежурке, задрал ноги на стол, и читал «Синюю книгу»⁴¹ с приключениями в Орегоне и на северных землях, когда вдруг понял, что в обычно спокойной ночи громко жужжит какая-то суета. Я вышел на улицу. Буквально в каждой чертовой халабуде на участке горел свет. Орала люди, бились бутылки. Тут мне либо сделай, либо сдохни. Я вытащил фонарик, подошел к самой шумной двери и постучал. Кто-то приоткрыл ее дюймов на шесть.

– Тебе чего?

Я ответил:

– Сегодня ночью я охраняю эти бараки, и вы, парни, должны себя вести как можно тише, – или же ляпнул какую-то подобную глупость. Дверь передо мной захлопнули. Я стоял и смотрел на ее древесину у меня перед носом. Все как в вестерне; пришло время заявить о себе. Я снова постучал. На сей раз дверь распахнули. – Послушайте, – сказал я. – Мне

⁴¹ «Blue Book» (1905–1975) – один из четырех самых в США популярных «макулатурных» журналов XX в.

не хочется вас лишний раз беспокоить, чуваки, но я потеряю работу, если вы будете так сильно шуметь.

– Ты кто?

– Я тут охранник.

– Я тебя раньше не видел.

– Ну вот жетон.

– А зачем тебе хлопушка на жопе?

– Она не моя, – извинился я. – Взял на время поносить.

– Ну на, хлебни за ради бога. – Хлебнуть я был не прочь.

И даже дважды.

Потом сказал:

– Лады, парни? Будете сидеть тихо, ага? Мне тут устроят, сами понимаете.

– Все нормально, пацан, – ответили мне. – Вали на свои обходы. Захочешь хлебнуть еще – приходи.

Таким манером я пошел по всем дверям и довольно скоро накушался так же, как остальные. По утрам моей обязанностью было поднимать на шестидесятифутовом шесте американский флаг, и в то утро я повесил его низом кверху и отправился домой спать. А когда вечером явился снова, постоянные лягаши хмуро сидели в дежурке.

– Выкладывай, паря, что тут за шум был прошлой ночью? Нам поступили жалобы от людей из домов аж на той стороне каньона.

– Не знаю, – ответил я. – Сейчас же вроде все спокойно.

– Контингент уплыл. Тебе полагалось ночью поддержи-

вать тут порядок, начальство на тебя орет. И вот еще что – ты знаешь, что можешь загреметь в тюрьму за то, что поднял на правительственной мачте государственный флаг вверх тормашками?

– Вверх тормашками? – Я был в ужасе; конечно, я этого не сознавал. Каждое утро проделывал это машинально.

– Да, сэр, – сказал жирный фараон, двадцать два года прослуживший охранником в Алькатрасе⁴². – За такое можно запросто загреметь. – Остальные мрачно кивали. Они всегда прочно усаживались своими жопами; своей работой они гордились. Поглаживали пистолеты и говорили о них. Им не терпелось кого-нибудь застрелить. Нас с Реми.

У того, что был вертухаем в Алькатрасе, было жирное брюхо, он уже подбирался к шестидесяти и вышел на пенсию, но не мог сидеть вдали от той среды, что всю жизнь питала его черствую душу. Каждый вечер приезжал на работу в своем «форде» 35-го года, точно вовремя отмечался и усаживался за конторку. Потом мучительно пыхтел, заполняя простейший бланк, который надо заполнять всем каждую ночь: обходы, время, происшествия и так далее. После этого откидывался назад и заводил:

– Жалко, что тебя здесь не было пару месяцев назад, когда мы с Кувалдой, – (то был еще один лягаш, молодой тип, раньше хотевший стать объездчиком в Техасе, но вынужденный

⁴² Имеется в виду «Alcatraz Federal Penitentiary» (1934–1963) – федеральная тюрьма строгого режима на острове Алькатрас в заливе Сан-Франциско.

довольствоваться нынешней участью), – арестовали пьянчугу в бараке Г. Ну, парень, надо было видеть, как кровища хлестала. Я сегодня тебя туда свожу – сам посмотришь пятна на стенке. Он у нас летал из угла в угол. Сперва Кувалда ему двинул, потом я, потом он затих и подчинился. Парень поклялся нас урыть, как только выйдет из тюрьмы – получил тридцать суток. И вот уже *шестьдесят* прошло, а он еще не появлялся. – В этом как раз и была соль всей истории. Они его так застрашали, что он трусил вернуться и попробовать их угробить.

А старый фараон продолжал мило вспоминать об ужасах Алькатраса:

– Мы, бывало, заставляли их маршировать на завтрак, как взвод в армии. Пусть только кто попробует не в ногу идти. Все тикало, как часы. Видел бы ты. Я проработал там охранником двадцать два года. Никогда никаких хлопот. Те парни знали, что мы не шутим. Многие мягчают, охраняя эков, такие-то обычно и попадают переплет. Ну вот взять тебя: гляжу на тебя, и сдается мне, ты слишком много поблажек дашь. – Он поднял дубинку и колюче взглянул на меня. – А они, знаешь, этим пользуются.

Я знал. И сказал ему, что не скроен быть легавым.

– Да, но ты ж *устраивался* сюда. Теперь нужно решать – туда или сюда, иначе никогда ничего не добьешься. Это твой долг. Ты принял присягу. А тут не бывает компромиссов. Надо поддерживать закон и порядок.

Я не знал, что ответить; он был прав; но больше всего мне хотелось выбраться отсюда в ночь и исчезнуть где-нибудь, ходить по всей стране и смотреть, чем люди занимаются.

Другой лягаш, Кувалда, был высоким, мускулистым, черноволосым, коротко стриженным, и у него нервно подергивалась шея – как у боксера, кто постоянно бьет одним кулаком в другой. Он лепил себя под такого техасского объездчика былых времен. Револьвер носил низко вместе с патронташем, постоянно таскал с собой какой-то маленький арапник, везде свисают лоскутья кожи, словно в ходячей камере пыток: ботинки блестят, тужурка болтается, фуражка набекрень, сапог только не хватает. Он постоянно показывал мне захваты – подцеплял меня между ног и проворно поднимал в воздух. В смысле силы я мог бы тем же самым приемом подбросить его к потолку, и я это знал; но никогда не подавал виду, чтоб он не захотел устроить со мной борцовский поединок. Схватка с таким парнем неизбежно кончится стрельбой. А я уверен, что стрелял он лучше; у меня-то в жизни никогда не было пистолета. Я его даже заряжать боялся. Ему отчаянно хотелось кого-то арестовывать. Однажды ночью мы с ним были на дежурстве вдвоем и он влетел в нашу контору багровый от злости.

– Я там сказал парням, чтобы вели себя тихо, а они все равно шумят. Я им еще раз сказал. Я всегда даю мужику два шанса. Третьего не даю. Пойдем-ка со мной, я туда вернусь и арестую их.

– Слушай, давай я им дам третий шанс, – предложил я. – Я с ними поговорю.

– Нет, сэр, я никогда никому не даю больше двух шансов. – Я вздохнул. Ну вот, приехали. Мы пошли в комнату к нарушителям, Кувалда открыл дверь и велел всем выходить по одному. Было очень стремно. Все мы покраснели от смущения. Такова история Америки. Каждый делает то, что считает для себя должным. Что с того, если компашка людей громко разговаривает и киряет ночь напролет? Но Кувалде хотелось что-то доказать. Он и меня притащил с собой – на тот случай, если до него прыгнут. А запросто могли бы. Все они были братья, все из Алабамы. Мы зашагали обратно в дежурку – Кувалда впереди, я сзади.

Один парень сказал мне:

– Ты скажи этому говнюку жопоухому, чтоб не сильно с нами дрыгался. Нас за это могут уволить, и мы не доедем до Окинавы.

– Поговорю.

В дежурке я посоветовал Кувалде бросить эту затею. Тот, покраснев до ушей, ответил так, чтобы всем было слышно:

– Я никогда никому не даю больше двух шансов.

– Какого буйвола, – сказал алабамец, – да какая разница? Мы ж работу можем потерять. – Кувалда ничего на это не ответил и стал заполнять бланки на арест. Арестовал только одного; синеглазку вызвали из города. Те приехали и забрали чувака. Остальные братья угрюмо вышли на улицу.

– Что Ма скажет? – говорили они.

Один вернулся ко мне:

– Скажи этому техасскому сучьему потроху, что завтра вечером его возьмут за жопу, если мой братан не выйдет из тюрьги.

Я Кувалде так и передал, только нейтральной, и он ничего не ответил. Братец их отделался легким испугом и ничего не произошло. Эту партию тоже благополучно спланировали на парход; заехала новая дикая компания. Если б не Реми Бонкёр, я б не задержался на этой работе больше пары часов.

Но мы с Реми оставались вдвоем на ночном дежурстве много раз, и вот тогда-то все было ништяк. Лениво делали первый вечерний обход, Реми дергал все двери – проверял, хорошо ли заперты, и надеялся, что какая-нибудь откроется. Говорил:

– Уже много лет у меня есть мысль натренировать пса на свехвора: заходит он в комнаты к этим парням и вытаскивает у них из карманов доллары. Я б натаскал его не брать ничего, кроме зелени; я б заставлял его нюхать их целыми днями. А если б это было вообще в человеческих силах, я б натаскал его брать только двадцатки. – Из Реми так и перли безумные планы; про этого пса он рассказывал мне целыми неделями. Всего однажды он в самом деле нашел незапертую дверь. Мне его замысел не понравился, и я прошел по коридору дальше. Реми украдкой приотворил ее. И нос к носу столкнулся с управляющим всех барачков. Реми нена-

видел эту рожу. Спрашивал у меня: – Как фамилия того русского писателя, о ком ты все время триндишь, – ну он еще пихал газеты себе в ботинки и ходил в цилиндре, который вытащил из мусорного ведра? – Это была карикатура на то, что я рассказывал Реми о Достоевском. – А-а, всё, вспомнил... *этот...* Достоевский. У человека с такой рожой, как у нашего управляющего, может быть только одна фамилия – Достоевский. – Единственная незапертая дверь, которую он вообще обнаружил, была Достоевского. Д. спал, когда услышал, как кто-то балуется с его дверной ручкой. Подскочил в одной пижаме. У двери он выглядел вдвойне уродливей. Отворив ее, Реми увидел помятую харю, гноящуюся ненавистью и тупой злобой:

– Что все это означает?

– Я только пробовал дверь. Думал, что это... э-э... кладовка. Я искал половую тряпку.

– В каком это *смысле* – «искал тряпку»?

– Ну... это...

Тут я вышел вперед и сказал:

– Наверху в коридоре кого-то стошнило. Надо подтеретьь.

– Это *не* кладовка, и здесь нет никаких тряпок. Это *моя* комната. Еще одно такое происшествие – и я назначу вам, парни, служебное расследование, вас вышвырнут! Вы меня ясно поняли?

– Наверху кого-то стошнило, – повторил я.

– Кладовка – в том конце коридора. Вон там. – И он по-

казал пальцем, подождал, пока мы туда сходим, принесем швабру, что мы и сделали и, как идиоты, потащили ее наверх.

Я сказал:

– Черт бы тебя брал, Реми, из-за тебя мы всегда во что-нибудь впутываемся. Чего тебе спокойно не сидится? Зачем обязательно что-то красть?

– Мир мне кой-чего задолжал, вот и все. Старого маэстро новой песне не научишь. А если будешь со мной и дальше в таком духе разговаривать, я стану и тебя звать Достоевским.

Реми был совсем как дитя малое. Где-то в прошлом, в его одиноком школьном детстве во Франции у него всё отбирали; приемные родители просто запикивали его в разные школы и бросали там; в школе ему обычно сильно стучали по мозгам и выбрасывали в другую; по ночам он бродил по французским дорогам и изобретал проклятья из своего невинного словарного запаса. Теперь он мог наконец оторваться на том, чего был лишен, а утраты его не знали предела; все это обречено было тянуться вечно.

Поживой нам служил кафетерий при бараках. Мы озирались, не смотрит ли кто, а в особенности – не рыщут ли где наши легавые дружочки, проверяя нас; затем я пригибался, Реми ставил ноги мне на плечи – и вот он уже наверху. Открывал окно, которое никогда не запиралось, поскольку он сам обеспечивал это по вечерам, пролезал внутрь и приземлялся на столе для замеса теста. Я был чуть проворней и про-

сто подпрыгивал до окна и залезал сам. Затем мы шли к стойке с газировкой. Здесь, осуществляя свою детскую мечту, я снимал крышку с шоколадного мороженого, засовывал туда руку по самое запястье и извлекал наружу целую горсть, а потом слизывал. Мы брали коробки, набивали их мороженым, поливали сверху шоколадным сиропом, а иногда и клубнику клали, потом ходили по всей кухне, открывали ледники и смотрели, нельзя ли чего прихватить с собой в карманах. Я частенько отдирал кусок ростбифа и заворачивал в салфетку.

– Знаешь, что сказал президент Трумэн? – говорил Реми. – «Мы должны подрезать прожиточный минимум».

Как-то вечером я долго ждал, пока он наполнит здоровенный ящик всякой бакалеей. Потом мы не смогли вытащить его через окно. Реми пришлось выложить все обратно и расставить по местам. Позже ночью, когда его дежурство закончилось, а я остался на базе совсем один, произошла странная штука. Я пошел прогуляться по старой тропе в каньоне в надежде увидеть оленя (Реми там встретил одного, эта местность была еще дикой даже в 47-м), как вдруг услышал в темноте жуткий шум. Кто-то фыркал и пыхтел. Я даже подумал, что в темноте на меня несется носорог. Я схватился за пистолет. Из мрака каньона вынырнула высокая фигура; у нее была громадная голова. Вдруг я понял, что это Реми с ящиком продуктов на плече. Он стонал и кряхтел под его тяжестью. Где-то он нашел ключ от кафетерия и вынес свою

бакалею через парадный вход. Я сказал:

– Реми, я думал, ты уже давно дома; какого черта ты тут делаешь?

А он ответил:

– Парадиз, я несколько раз уже говорил тебе, что сказал президент Трумэн: *мы должны подрезать прожиточный минимум*. – И он попыхтел и покряхтел дальше в темноту. Я уже рассказывал про эту ужасную тропку к нашей хибаре – то вверх, то вниз. Он спрятал ящик с провиантом в высокой траве и вернулся ко мне.

– Сал, я один не могу. Я разделю на две коробки, и ты мне поможешь.

– Но я на дежурстве.

– Я тут посторожу, пока ты ходишь. Вокруг становится все круче. Надо приспособливаться как только можно – и все дела. – Он вытер лицо. – В-во! Я уже сколько раз тебе говорил, Сал: мы кореша, мы с тобой повязаны. Другого выхода у нас нет. Все эти Достаёвские, легавые, Ли-Энны, все эти долбари поганые по всему свету только и думают, как нас отыметь. И никто, кроме нас, не проследит, чтоб никакие пакости не замышлялись. У них-то еще много чего в рукаве, кроме немых рук. Не забывай об этом. Старого маэстро новой песне не научишь.

Я наконец спросил:

– А как по части нам с тобой выйти в море? – Так мы тут отирались уже больше двух месяцев. Я зарабатывал пятьде-

сят пять колов в неделю и отправлял тетке что-то около сорока. За все это время в Сан-Франциско я провел всего один вечер. Вся моя жизнь ограничивалась этой хижинкой, ссорами Реми с Ли-Энн да ночами в бараках.

Реми растворился во тьме в поисках второй коробки. Он и понадрывались же мы на той дороге имени старины Зорро. Нагромоздили целую гору продовольствия на кухонный стол Ли-Энн. Та проснулась и протерла глаза.

– Знаешь, что сказал президент Трумэн? – Она была в восторге. Я вдруг понял, что в Америке каждый – прирожденный вор. Я и сам этим заразился. Стал даже проверять, заперты ли двери. Остальные фараоны что-то заподозрили; что-то было видно у нас по глазам; своим безошибочным чутьем они ощущали, что мы задумали. За много лет они наловчились на таких, как мы с Реми.

Днем мы брали пистолет и уходили в горы, надеясь подстрелить рябчика. Реми подкрадывался на три шага к хлоптавшим птицам и шарahal по ним из своего 32-го. Промалывался. Его гогот громыhal над калифорнийскими лесами и всей Америкой:

– Нам с тобой пришло время навестить Бананового Короля.

Стояла суббота; мы начистили перышки и отправились к автобусной остановке на перекрестке. Приехали в Сан-Франциско и пошли гулять по улицам. Ржание Реми разносилось повсюду, куда б мы ни шли.

– Ты должен написать рассказ про Бананового Короля, – предупредил меня он. – И не пытайся водить старого маэстро за нос и написать о чем-нибудь другом. Банановый Король – вот твой хлеб. Вот он стоит. – Банановым Королем был старик, продававший на углу бананы. Мне он был совершенно скучен. А Реми продолжал тыкать меня кулаком в бок и даже вознамерился подтащить поближе за шиворот. – Будешь писать о Банановом Короле – напишешь о человечески интересном в жизни. – Я сказал ему, что мне глубоко плевать на Бананового Короля. – Пока не научишься осознавать важности Бананового Короля, ты абсолютно ничего не узнаешь о человечески интересном на свете, – прочувствованно ответил Реми.

Посреди залива стоял старый ржавый сухогруз, который применяли как буй. Реми очень хотелось туда сплывать, поэтому как-то днем Ли-Энн упаковала нам обед, мы взяли напрокат лодку и отправились в плавание. Реми прихватил кое-какие инструменты. Ли-Энн сняла с себя всю одежду и улеглась загорать на крыле мостика. Я наблюдал за нею с полуюта. Реми же направился напрямиком вниз, в котельные, где сустились крысы, и взялся там стучать и греметь, добывая медную отделку, которой там все равно не было. Я сидел в полуразрушенной кают-компании. Судно было старое-престарое, красиво оборудованное, все дерево в резьбе с завитками и встроенные рундуки. То был призрак Джек-Лондо-

нова Сан-Франциско ⁴³. Я лежал и грезил на залитом солнцем большом обеденном столе. В кладовой бегали крысы. Давным-давно жил-был синеглазый морской капитан, обедал тут.

Я спустился к Реми в нутро судна. Он дергал за все, что не было привинчено.

– Ни фиги нет. Я думал, будет медь, хоть бы какая-нибудь старая рукоятка. Этот пароход уже обчистила шайка воров. – Стоял он посреди залива очень много лет. Всю медь с него украл рукастый матрос, у которого и рук-то больше нет.

Я сказал Реми:

– Было бы клево как-нибудь провести тут ночь на борту, когда опускается туман, все это старое корыто скрипит, и слышны сирены с бакенов.

Это Реми ошеломило; его восхищение мной удвоилось.

– Сал, да я заплачу тебе пять долларов, если тебе хватит на это выдержки. Неужели ты не отдаешь себе отчет, что здесь могут жить призраки старых капитанов? Нет, я не только дам тебе пятерку, я сам тебя сюда на веслах доставлю, сам приготовлю тебе поесть, дам тебе одеял и свечку.

– Договорились! – ответил я.

Реми побежал рассказывать Ли-Энн. Мне хотелось прыгнуть с мачты и приземлиться прямо на нее, но я держал слово, данное Реми. Я отвел взгляд.

⁴³ Джек Лондон (Джон Гриффин Чейни, 1876–1916) – американский писатель и журналист, общественный деятель, уроженец Сан-Франциско.

Меж тем я начал ездить во Фриско чаще; пытался сделать все, что можно, лишь бы снять себе девчонку. Даже провел целую ночь с одной на скамейке в парке, до самой зари – и без толку. Блондинка была из Миннесоты. Там было полно педиков. Несколько раз я ездил в Сан-Фран со своим пистолетом, и если голубой подходил ко мне в сортире какого-нибудь бара, я вытаскивал ствол и переспрашивал:

– Э? э? вы о чем это? – Тот рвал когти. Я так и не понял, зачем это делал: я знал педиков по всей стране. Наверное, просто одиночество Сан-Франциско да то, что у меня вообще был пистолет. Его надо было кому-нибудь показывать. Я шел мимо ювелирного магазина, как вдруг ощутил внезапный позыв пальнуть в витрину, вытащить самые красивые кольца и браслеты и скорее подарить их Ли-Энн. А потом сбежать с нею в Неваду. Пора сваливать из Фриско, или я тут совсем свихнусь.

Я писал длинные письма Дину и Карло, которые теперь жили в хижине у Старого Быка посреди техасских болот. Они говорили, что готовы приехать ко мне в Сан-Фран, как только что-то у них там наладится. Тем временем у нас с Реми и Ли-Энн все начало рушиться. Хлынули сентябрьские дожди, а вместе с ними пустозвонство. Реми слетал с нею в Голливуд, захватив с собой мою грустную глупую сценарную разработку, и ничего не вышло. Знаменитый режиссер был пьян и не обратил на них никакого внимания; они поболтались по его коттеджу на пляже Малибу, потом начали ссо-

ряться на глазах у остальных гостей и прилетели назад.

Последней каплей стали бега. Реми собрал все отложенные деньги, что-то около сотни долларов, вырядил меня в кое-какую свою одежду, зацепил Ли-Энн, и мы отправились на ипподром «Золотые ворота» возле Ричмонда на той стороне залива. Чтобы показать вам, что за душа у этого парня, скажу лишь, что он сложил половину спертых нами продуктов в огромный мешок из бурой бумаги и отвез его знакомой бедной вдове в Ричмонд, та жила в слободке, похожей на нашу, где на калифорнийском солнышке трепыхалось белье. Мы поехали с ним. Там были грустные драные детишки. Женщина стала благодарить Реми. Она была сестрой какого-то моряка, которого он едва знал.

– И думать забудьте, миссис Картер, – произнес Реми своим самым элегантным и учтивым тоном. – Там, откуда оно, его намного больше.

И мы двинулись дальше, на бега. Он делал невероятные двадцатидолларовые ставки на победителя и перед седьмым заездом пролетел окончательно. Все-таки поставил еще раз наши последние два доллара, отложенные на еду, и проиграл. Обрато в Сан-Франциско пришлось добираться стопом. Я снова вышел на дорогу. Подбросил нас какой-то джентльмен в своем шикарном авто. Я сел к нему вперед. Реми пытался повесить ему про то, что посеял свой бумажник где-то за трибунами.

– По правде говоря, – сказал я, – мы просадили все деньги

на скачках. И чтоб с ипподрома нас больше не подвозили, отныне будем ходить только к букашке, а, Реми? – Реми покраснел до корней волос. Человек в конце концов признался, что он официальное лицо на ипподроме «Золотые ворота». Высадил нас у элегантного «Палас-Отеля»; мы видели, как он исчезает меж канделябров в фойе – с карманами, набитыми деньгами, и с гордо поднятой головой.

– Уах! В-во! – выл Реми на вечерних улицах Фриско. – Парадиз едет с управляющим скачками и клянется, что переключится на букмекеров. Ли-Энн, Ли-Энн! – Он пихал и дергал ее. – Положительно, крупнейший комик на свете! В Сосалито, должно быть, много итальянцев. А-а-а-ха-ха! – И он обвился вокруг столба, пока не отсмеялся.

Ночью полило, и Ли-Энн метала в нас обоих испепеляющие взгляды. В доме не осталось ни цента. По крыше барабанил дождь.

– Это на всю неделю, – сказал Реми. Он снял красивый костюм и снова остался в своих жалких трусах, майке и армейской пилотке. Его большие карие глаза печально пялились в половицы. На столе лежал пистолет. Где-то в дождливой ночи до умопомрачения хохотал мистер Снех.

– Мне осточертел этот мудозвон, – рявкнула Ли-Энн. Она уже готова была сорваться. Начала пилить Реми. Тот же был занят – листал свой черный блокнотик, куда записывал тех – в основном моряков, – кто был ему должен. Рядом с именами красными чернилами он писал проклятья. Я страшился того

дня, когда сам попаду в этот блокнотик. В последнее время я так много денег отсылал тетке, что покупал еды всего на четыре-пять долларов в неделю. Сообразно тому, что сказал президент Трумэн, я увеличил свою долю еще на несколько долларов. Однако Реми казалось, что мой вклад недостаточен; поэтому он взялся развешивать на стенке в ванной магазинные чеки за продукты – такие длинные ленты с наименованиями покупок, – чтобы я их видел и смекал что к чему. Ли-Энн была убеждена, что Реми прячет от нее деньги, – ну, и я за компанию тоже. Пригрозила уйти от него.

Реми скривился:

– Ну и куда ты пойдешь?

– К Джимми.

– К Джимми? К кассиру на ипподроме? Ты слышал это, Сал, Ли-Энн собирается уйти и окрутить кассира со скачек. Не забудь метлу, милая, лошади всю неделю будут жрать много овса на мои сто долларов.

Все стало принимать нехорошие масштабы; дождь хлестал. Ли-Энн жила здесь как бы с самого начала, а поэтому велела Реми собирать манатки и выметаться. Тот начал собирать манатки. Я уже представлял себя в этой дождливой хибаре наедине со строптивой мегерой. Попробовал вмешаться. Реми толкнул Ли-Энн. Та кинулась к пистолету. Реми передал ствол мне и велел спрятать; в обойме оставалось восемь патронов. Ли-Энн завопила и в конце концов накинула плащ и побежала по грязи за фараоном, да еще за каким – за

нашим старым другом Алькатрасом. К счастью, того не было дома. Вернулась, совершенно вымокнув. Я затаился у себя в углу, сунув голову между колен. Боже, что я здесь делаю, за три тысячи миль от дома? Зачем я сюда приехал? Где мой неспешный пароход в Китай?⁴⁴

– И вот еще что, мерзавец, – орала Ли-Энн. – Сегодня я тебе в последний раз готовила твои поганые мозги с яичницей и твою поганую баранину с карри, чтоб ты набивал ими свое поганое брюхо, жирел и мерзел прямо у меня на глазах.

– Это ничего, – спокойно ответил Реми. – Это очень даже хорошо. Когда с тобой сошелся, я не ожидал, конечно, никаких розочек и луны в небесах, и сегодня ты меня не удивила. Я для тебя кое-что пытался сделать, я старался для вас обоих; вы оба меня подвели. Я ужасно, ужасно в вас обоих разочарован, – продолжал он абсолютно искренне. – Я думал, из всех нас вместе что-нибудь выйдет – что-нибудь прекрасное и крепкое, я старался, ездил в Голливуд, устроил Сала на работу, я покупал тебе красивые платья, хотел познакомить тебя с лучшими людьми Сан-Франциско. Ты отказалась – вы оба отказывались выполнять ничтожнейшие мои желанья. Я ничего не просил взамен. Теперь прошу об одной последней услуге и больше никогда ни о чем просить не стану. В следующую субботу в Сан-Франциско приезжает мой отчим. Я

⁴⁴ Отсылка к популярной песне «(I'd Like to Get You on a) Slow Boat to China» (1948) американского композитора и автора песен Фрэнка Хенри Лессера.

прошу вас только об одном: чтоб вы поехали со мною и попытались сделать так, чтоб стало похоже на то, о чем я ему писал. Иными словами, ты, Ли-Энн, ты – моя девушка, а ты, Сал, ты – мой друг. Мне удастся занять сотню долларов на субботний вечер. Я сделаю так, чтоб мой отец хорошо провел здесь время и уехал без всякого беспокойства обо мне.

Вот так новость. Отчим Реми был знаменитым врачом с практиками в Вене, Париже и Лондоне. Я сказал:

– Ты имеешь в виду, что намерен истратить сотню долларов на своего отчима? Да у него же больше денег, чем у тебя когда-нибудь будет? Ты залезешь в долги, чувак!

– Это ничего, – тихо ответил Реми, и в голосе его сквозило поражение. – Я прошу вас только об одном: попытайтесь хотя бы сделать вид, что все в порядке, и постарайтесь произвести хорошее впечатление. Я люблю своего отчима и уважаю его. Он приезжает с молодой женой. Мы должны обойтись с ними крайне учтиво. – Временами Реми бывал просто воплощением благородства.

Ли-Энн это впечатлило, и она уже захотела встретиться с отчимом; рассчитывала, что можно будет окрутить папочку, раз уж ничего не вышло с сынком.

Подкатил субботний вечер. Я уже бросил ту работу у легавых – как раз перед тем, как уволят за недостаточность арестов, и тот субботний вечер был у меня последним. Сначала Реми и Ли-Энн отправились на встречу с отчимом к нему в гостиницу; у меня уже были деньги на дорогу, и я пьянство-

вал себе в баре внизу. Затем поднялся к ним – опоздав, как не знаю кто. Дверь открыл папа – почтенный высокий господин в пенсне.

– Ах, – произнес я, завидя его, – месье Бонкёр, как поживаете? *Je suis haut!* – воскликнул я по-французски, имея в виду, что «дух мой парит высоко» в том смысле, что я выпивши, но на самом деле это не означало ничего. Доктор был озадачен. Я уже спутал Реми все карты. Он покраснел при моем появлении.

Поесть мы все отправились в роскошный ресторанчик – к «Альфреду» на Северном пляже⁴⁵, где бедняга Реми выложил добрых полсотни за нас пятерых – с выпивкой и всем остальным. И тут случилось худшее. Кто б вы думали сидит у стойки бара в этом самом «Альфреде», как не мой старый друг Роланд Мейджор! Только что из Денвера и устроился в какую-то сан-францисскую газетку. Он был уже вдрабадан. Даже не побрился. Подскочил к нам и шлепнул меня по спине как раз в тот миг, когда я подносил к губам фужер. Роланд шлепнулся в кабинку рядом с доктором Бонкёром и перегнулся через его суп поболтать со мной. Реми сидел багровый, как свекла.

– Не хочешь представить нам своего друга, Сал? – спросил он с вымученной улыбкой.

⁴⁵ «Alfred's Steakhouse» (с 1928) – популярный ресторан в Сан-Франциско на границе китайского квартала (Китайгорода) и района Норт-Бич (Северного пляжа).

– Роланд Мейджор из сан-францисской «Аргус»⁴⁶, – сказал я, пытаясь сохранить невозмутимость. Ли-Энн расшвырнула репелла.

Мейджор понес в самое ухо месье:

– Ну и как вам нравится преподавать французский в средней школе? – вопил он.

– *Пардон*, я не преподаю французский в средней школе.

– О, а я подумал, что вы преподаете французский в средней школе. – Он намеренно грубил. Я вспомнил ту ночь в Денвере, когда он сам не дал нам повеселиться; но я не держал на него зла.

Я всех простил, я сдался, я напился. Начал болтать про лунный свет и розы с молоденькой женой доктора. Я пил так много, что каждые две минуты надо было отлучаться в мужскую комнату, и я вынужден был скакать через коленки доктора. Всё разваливалось. Мое пребывание в Сан-Франциско подходило к концу. Реми никогда уже не станет со мной разговаривать. Это было ужасно, потому что я поистине любил его и был одним из очень немногих людей на свете, кто знал, какой он настоящий и замечательный друг. Чтобы пережить это, у него уйдет много лет. Какая это катастрофа – по сравнению с тем, что я писал ему из Патерсона, проводя свою красную линию по трассе № 6 через всю Америку. И вот я на краю Америки, суши больше нет – и больше некуда

⁴⁶ В Сан-Франциско газета с таким названием («San Francisco Daily Argus») издавалась в 1857 г.

ехать, только назад. Я твердо решил хотя бы замкнуть круг своего путешествия: как раз там и тогда я собрался поехать в Голливуд и назад через Техас, чтобы увидиться со всей моей кодлой на болотах; а там уж хоть трава не расти.

Мейджора из «Альфреда» вышвырнули. Обед наш тем и завершился, и я ушел вместе с Мейджором; вернее, уйти нам предложил Реми, и мы отправились пить дальше. Сидели с ним за столиком в «Железном котле», и он говорил:

– Сэм, мне не нравится вон тот гомик возле бара. – И все это громко.

– О как, Джейк? – переспрашивал я.

– Сэм, – продолжал он. – Я, наверное, сейчас встану и тресну его по кумполу.

– Нет, Джейк, – отвечал я, продолжая закос под Хемингуэя. – Лучше целься прям отсюда – и посмотрим, что получится. – Кончилось тем, что мы с ним, пошатываясь, стояли на каком-то углу.

Наутро, пока Реми с Ли-Энн спали, а я с некоторой грустью взирал на большую кучу грязного белья, которую нам с Реми полагалось выстирать в коммунальной машинке «Бендикс»⁴⁷, поставленной в хижине на задворках (а это всегда было такой радостной и солнечной процедурой среди цветных женщин, и мистер Снех хохочет до умопомрачения), я

⁴⁷ «Bendix Corporation» (1924–1983) – американская автомобильная и инженерная производственная компания. Стиральные машинки, однако, производились по ее лицензии компанией «Bendix Home Appliances» (1936–1956).

решил все-таки уехать. И вышел на крыльцо. «Ну уж, черта с два, – сказал тут я себе. – Я ведь обещал, что не уеду, покуда не взберусь вон на ту гору». То была высокая дальняя стена каньона, она таинственно отворачивала к Тихому океану.

Поэтому я задержался еще на день. Было воскресенье. Стояла сильная жара; день был прекрасный, к трем солнце побагровело. Я начал подъем и к четверем выбрался на вершину. Со всех сторон нависали эти славные калифорнийские тополя и эвкалипты. У самой верхушки деревьев уже не было – лишь камни да трава. Поверх побережья пасся скот. Вон Тихий океан, всего в нескольких горках от меня, синий и широченный, с громадной стеной белизны, что напознала с легендарной «картофельной грядки»⁴⁸, где рождаются сан-францисские туманы. Еще какой-нибудь часок, и она хлынет в Золотые Ворота и укутает весь романтичный город в белое, а юноша будет держать свою девушку за руку и медленно подниматься по длинному белому тротуару с бутылкой токайского в кармане. Да, это Фриско; и прекрасные женщины, стоящие в белых парадных в ожидании своих мужчин; и Башня Койт, и Эмбаркадеро, и Маркет-стрит, и одиннадцать многолюдных холмов.

Я вертелся, пока не закружилась голова; думал, что упаду, как во сне, прямо с утеса. О, где же девушка, которую

⁴⁸ Имеется в виду мель «Potato Patch Shoal», располагающаяся у входа в пролив Золотые Ворота; была названа так в начале XIX в., когда на ней часто опрокидывались лодки, возившие в город урожай с картофельных ферм Болинаса.

люблю? Так думал я и смотрел везде, как смотрел везде в этом мирке подо мной. А впереди грубо горбилась громадная туша моего американского континента; где-то вдали на той стороне мрачный чокнутый Нью-Йорк извергал в небеса свою тучу пыли и бурого пара. В Востоке есть что-то бурое и святое; а Калифорния бела, как бельевые веревки, и пусто-голова – так я, по крайней мере, думал в то время.

12

Наутро Реми и Ли-Энн еще спали, а я тихонько собрался, выскользнул в окно тем же путем, каким явился, и со своей холщовой сумкой покинул Милл-Сити. Я так и не переночевал на старом пароходе с призраками – он назывался «Адмирал Фриби», – и мы с Реми стали потерянны друг для друга.

В Окленде я выпил пива среди бродяг в салуне, перед которым было выставлено колесо от фургона, – я снова стоял на дороге. Прошел через весь Окленд, чтобы выйти к шоссе на Фресно. За два перегона добрался до Бейкерсфильда в четырех сотнях миль к югу. Первый был совершенно безумным: я ехал с дородным светловолосым парнем в прищипленной тачке.

– Видишь палец на ноге? – спросил он, разогнав тарантас до восьмидесяти и обгоняя всех на трассе. – Глянь. – Палец был весь в бинтах. – Мне его только сегодня утром ампутировали. Эти сволочи хотели, чтобы я остался в больнице. Я собрал сумку и утек. Подумаешь, палец. – Да, в самом деле, сказал я себе, теперь уж смотри в оба, и мы погнали. Таких придурков за рулем я больше ни разу не видел. Доехал до Трейси почти моментально. Трейси – железнодорожный городок; тормозные кондукторы сурово жуют в столовках прямо у путей. По всей долине воют поезда. Неторопливо опускается красное солнце. У меня перед глазами развертыва-

лись волшебные названия этой долины – Мантека, Мадера, остальные. Вскоре стало смеркаться, виноградные сумерки, лиловые над длинными дынными бахчами и мандариновыми рощами; солнце цвета давленого винограда, исполосованное винно-красным, поля цвета любви и испанских тайн. Я высунул голову в окно и глубоко вдыхал пряный воздух. Миг прекраснее всех. Псих работал тормозным кондуктором на «Южной Тихоокеанской»⁴⁹ и жил во Фресно; отец у него тоже был тормозной. Он потерял палец в оклендском депо, переводя стрелку, я так и не понял, как именно. Привез меня в гудливый Фресно и высадил где-то на южной стороне. Я заскочил выпить кока-колы в бакалею у железной дороги – и тут в красном товарном вагоне мимо проехал этакий меланхоличный молодой армянин, и как раз в этот миг взвыл локомотив, и я сказал себе: «Да, да, это городок Сарояна»⁵⁰.

Мне надо было на юг; я выбрался на дорогу. Меня подобрал человек в новехоньком пикапе. Он был из Лаббока, Техас, торговал автоприцепами.

– Хочешь купить трейлер, а? – спросил он. – Как прищипит, разыщи меня. – Он рассказывал мне истории о своем отце в Лаббоке. – Однажды вечером папаша мой оставил всю дневную выручку сверху на сейфе, наглухо забыл. Ну и

⁴⁹ «Southern Pacific Railroad» (или «Southern Pacific Transportation Company», 1865–1996) – железнодорожная сеть, оперировавшая преимущественно (но не исключительно) на западе США, со штаб-квартирой в Сан-Франциско.

⁵⁰ Уильям Сароян (1908–1981) – американский прозаик и драматург, уроженец Фресно.

вот, ночью забрался к нам вор с ацетиленовой горелкой и всеми делами, вскрыл сейф, пошарил в бумагах, опрокинул несколько стульев и свалил. А эта тыща долларов лежала у него перед самым носом на сейфе, прикинь такое вообще, а?

Он высадил меня южнее Бейкерсфильда, тут-то начались мои приключения. Похолодало. Я натянул на себя хлипкий армейский дождевик, который купил за трешку в Окленде, и дрожал себе дальше на дороге. Стоял я перед вычурным мотелем в испанском стиле, освещенном, как брильянт. Мимо в сторону Л.-А. неслись машины. Я неистово махал руками. Слишком уж холодно. Простоял я там до самой полночи, ровным счетом два часа, матерился и клял все на свете. Снова как в Стюарте, Айова. Ничего не оставалось, лишь пойти истратить чуть больше двух долларов на автобус, чтоб проехать оставшиеся мили до Лос-Анджелеса. По шоссе я снова дошел до Бейкерсфильда, нашел автостанцию и сел на скамейку.

Я уже купил себе билет и теперь ждал лос-анджелесского автобуса, когда совершенно неожиданно заметил в своем поле зрения милейшую малышку – мексиканочку в брючках. Приехала она в каком-то из тех автобусов, что подошли только что с громкими вздохами пневматических тормозов; теперь пассажиров оттуда высаживали передохнуть. Ее груди выступали вперед смело и без стеснения; стройные бедра ее выглядели аппетитно; волосы были длинны и глянцево черны; а в синих глазищах изнутри проглядывали робости.

Хотел бы я оказаться в ее автобусе. В сердце мне кольнуло болью, так бывало всякий раз, когда я видел, как та, кого я полюбил, едет в другую сторону в этом слишком большом мире. Объявили автобус на Лос-Анджелес. Я взял сумку и пошел на посадку – и кто ж сидит там в полном одиночестве, как не моя мексиканка. Я шлепнулся прямо напротив нее и тут же принялся замышлять. Я так одинок, так печален, я так устал, так продрог, я так сломлен, так разбит, что собрал воедино все свое мужество, то мужество, какое необходимо, чтобы подойти к незнакомой девушке, и начал действовать. Но даже решившись, я еще минут пять колотил себя по ляжкам в темноте, а автобус меж тем катил по дороге.

Ну, давай, давай же, а то так и подохнешь! Придурок чертов, заговори же с нею! Что это с тобой? Неужто сам себе еще не осточертел? И не успел я сообразить, что делаю, как наклонился к ней через проход (она пыталась заснуть на сиденье) и спросил:

– Мисс, не хотите ли подложить мой плащ вместо подушки?

Она посмотрела на меня, улыбнулась и ответила:

– Нет, большое спасибо.

Весь дрожа, я откинулся на спинку; зажег окурочок. Подождал, пока снова на меня не посмотрит, не бросит искоса единственный печальный взглядик любви, – и тогда я сразу встал и склонился над ней.

– Можно мне сесть рядом с вами, мисс?

– Если хотите.

Я хотел.

– Куда едете?

– Эл-Эй. – Мне очень понравилось, как она это произнесла – «Эл-Эй». Мне вообще очень нравится, как все здесь на Побережье произносят «Эл-Эй»; он их единственный град златой, как ни крути, в конце-то концов.

– Так и я туда же еду! – воскликнул я. – Очень рад, что вы мне позволили сесть с вами рядом, мне было так одиноко, и я много странствовал. – И мы взялись рассказывать друг дружке о себе. Ее история была такова: У нее муж и ребенок. Муж ее побил, поэтому она от него ушла, а живут они в Сабинале, южнее Фресно, и теперь она едет в Л.-А. пожить пока у сестры. Своего маленького сына она оставила у родителей – те работают на сборе винограда и живут в хижине на виноградниках. Сейчас ей остается лишь супиться да злиться. Мне захотелось немедленно заключить ее в объятия. Мы всё говорили и говорили. Она сказала, что ей очень нравится со мной разговаривать. Довольно скоро призналась, как ей хотелось бы тоже поехать в Нью-Йорк. – Так, может, и поедем! – рассмеялся я. Автобус со стоном карабкался к Виноградному перевалу, а потом мы летели вниз, в гигантские кляксы света. Не придя ни к какому предметному согласию, мы взялись за руки, и точно так же немо, прекрасно и чисто решено было, что, когда у меня будет номер в лос-анджелесской гостинице, она останется со мною. Всё во мне по ней

так и ныло; я склонил голову в ее прекрасные волосы. Ее маленькие плечи сводили меня с ума; я все обнимал и обнимал ее. И ей это нравилось.

– Люблю любить, – шептала она, закрыв глаза. Я обещал ей прекрасную любовь. Я пожирал ее глазами. Истории наши были уже рассказаны; мы погрузились в молчанье и сладкие предвкушения. Все проще некуда. Забирайте себе всех ваших Персигов, Бетти, Мэрилу, Рит, Инесс и Камилл на свете; вот моя девушка, вот девичья душа как раз по мне, я ей об этом так и сказал. Она призналась, что видела, как я наблюдал за нею на автостанции:

– Я еще подумала, какой милый студентик из колледжа.

– О, так я и есть студентик из колледжа! – заверил ее я. Автобус въехал в Голливуд. Серой, грязной зарей, похожей на ту, когда Джоэль Маккри встретился с Вероникой Лейк в столовой в картине «Странствия Салливана»⁵¹, она спала у меня на коленях. Я жадно глядел в окно: оштукатуренные дома, пальмы, дорожные закусочные, все это безумие, эта обтрепанная обетованная земля, фантастический конец Америки. Мы слезли с автобуса на Мейн-стрит, ничем не отличавшейся от тех главных улиц, где слезишь с автобуса в Канзас-Сити, Чикаго или Бостоне: красный кирпич, грязно, шляются субъекты, в безнадежной заре скрежещут трамваи,

⁵¹ «Sullivan's Travels» (1941) – комедия американского режиссера и драматурга Престона Стёрджеса с Джоэлом Албертом Маккри (1905–1990) и Вероникой Лейк (Констанс Френсез Мари Океммен, 1922–1973) в главных ролях.

блядский запах большого города.

И тут меня пережмуло, сам не знаю почему. Мне начали мерещиться идиотские, параноидальные видения, что Тереза или Терри – так ее звали – просто маленькая шлюшка, которая работает по автобусам, выманивая у честных парней их бабли, назначает им свидания в Л.-А., как это сделали мы, где сперва приводит сосунка завтракать в забегаловку, где поджидает ее сутенер, а потом в заранее намеченную гостиницу, куда имеет доступ и он, со своим пистолетом или что там у него еще. Я так ей в этом и не признался. Мы завтракали, а сутенер наблюдал за нами; мне чудилось, что Терри тайно строит ему глазки. Я устал и чувствовал себя чужим и оторванным в этой отвратительной дали. Придурь ужаса овладела моими мыслями и повлекла за собой мелкие и дешевые поступки.

– Ты знаешь того парня? – спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.